

Научная статья
УДК 808.5
doi: 10.17223/19986645/82/7

Сталинская «Ода» О. Мандельштама: комментарии языковеда

Василий Павлович Москвин¹

¹ *Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия, vasmoskvin@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – на основе алгоритмов лингвистического анализа составить комментарии к стихотворению Мандельштама «Ода». Выявлены типы осложненности номинаций, приводящие к затруднениям в понимании «Оды»: 1) мотивационная, источниками которой выступают переносы; 2) интертекстуальная, обусловленная недостаточной изученностью прецедентной основы текста; 3) конситуативная: так, стиль «Оды», сближающийся с ораторским, конситуативно маркирован, поскольку такое сближение было характерно для постреволюционной поэзии.

Ключевые слова: поэтика, Мандельштам, подтекст, семантический перенос, интертекстуальность

Для цитирования: Москвин В.П. Сталинская «Ода» О. Мандельштама: комментарии языковеда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 118–162. doi: 10.17223/19986645/82/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/7

Subtexts of Osip Mandelstam’s “Ode” to Stalin: A linguist’s commentaries

Vasily P. Moskvina¹

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation, vasmoskvin@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to reconstruct the semantic structure of Mandelstam’s poem “Ode” using contextual, intertextual and consituative analysis. As the study showed, three types of complexity of nominations lead to significant difficulties in the adequate understanding of the “Ode”: (1) motivational complication, the sources of which are semantic transfers, primarily metaphor. One of the most striking images of the “Ode” is formed by an expanded metaphor based on the comparison of a poet with an artist, a pen with charcoal, which the artist takes for the highest praise to the addressee of the “Ode”. The “duality” of this image that Joseph Brodsky indicated can be explained if we take into account the fact that the line “If I took coal for

the highest praise” contains an oxymoron (perhaps with an intertextual allusion to coal in Horace’s *Satires*), i.e. conceals a contrasting characteristic; (2) intertextual complication. An axiologically significant element of the subtext of the “Ode” is the allusion to the song “Rus” in Nekrasov’s poem *Who Is Happy in Russia?*; this allusion is expressed metrically and lexically. The song is built on contrasts, which gives reason to correlate this allusion with the above oxymoron as a figure of contrast; (3) consituative complication. The style of the “Ode”, which approaches oratorical and even newspaper, should be considered as consituatively marked, since such a convergence was characteristic of revolutionary and post-revolutionary poetry. Among the facts testifying to the dialectical nature of Mandelstam’s view of what was happening in the USSR, is not only the open statement “Debtor is stronger than the claim”, but also the subtexts confirming its sincerity: (a) a reference to the song “Rus”, one of the fragments of which says that power and untruth do not get along; (b) the likening of Stalin to Prometheus in chains; (c) the above oxymoron. This semantic correlation allows asserting that the text contains elements of two-sided argumentation in relation to the assessment of the activities of the USSR’s leader; for the Stalin era, especially after the XVII Congress of the CPSU(b), the Congress of Winners (1934), this position of the author was politically and ideologically unacceptable. The fact that Mandelstam decided on such an argument confirms the validity of his evaluation as a poet who was unable to compromise in his work. The “Ode” is considered a palinody in relation to the poem “We Live Without Feeling the Country Beneath Our Feet ...” (1933). In the light of the above facts, it would be more accurate to talk about incomplete palinody, since the unambiguously negative evaluation is replaced in the “Ode” by not unambiguously positive, but dialectical, possibly with the prophetic element – power and untruth do not get along.

Keywords: poetics, Mandelstam, subtext, semantic transfer, intertextuality

For citation: Moskvin, V.P. (2023) Subtexts of Osip Mandelstam’s “Ode” to Stalin: A linguist’s commentaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 118–162. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/7

Введение

Одним из наиболее сложных для уверенного истолкования стихотворений О. Мандельштама (далее – ОМ) является «Ода», написанная в воронежской ссылке в январе – феврале 1937 г. и прозванная, по имени своего адресата, сталинской¹:

< I >

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –	12
Для радости рисунка непреложной, –	11
Я б воздух расчертил на хитрые углы	12
И осторожно и тревожно.	10

¹ Текст приводится по изданию [1. С. 112–114] и далее цитируется как *Ода*, с указанием строфы и стиха. Иные названия: 1) по инципиту: «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»; 2) по имени адресата: «Стихи о Сталине». Цифрами справа обозначен силлабический объем стихов.

Чтоб настоящее в чертах отозвалось,	12
В искусстве с дерзостью гранича,	9
Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,	12
Ста сорока народов чтя обычай.	11
Я б поднял брови малый уголок,	10
И поднял вновь, и разрешил иначе:	11
Знать, Прометей раздул свой уголек, –	10
Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!	11

< II >

Я б несколько гремучих линий взял,	10
Все моложавое его тысячелетье,	13
И мужество улыбкою связал	10
И развязал в ненапряженном свете,	11
И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,	12
Какого, не скажу, то выраженье, близясь	13
К которому, к нему, — вдруг узнаешь отца	12
И задыхаешься, почуяв мира близость.	13
И я хочу благодарить холмы,	10
Что эту кость и эту кисть развили:	11
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.	12
Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!	13

< III >

Художник, береги и охраняй бойца:	12
В рост окружи его сырым и синим бором	13
Вниманья влажного. Не огорчить отца	12
Недобрым образом иль мыслей недобором.	13
Художник, помоги тому, кто весь с тобой,	12
Кто мыслит, чувствует и строит.	9
Не я и не другой – ему народ родной –	12
Народ-Гомер хвалу утроит.	9
Художник, береги и охраняй бойца:	12
Лес человечества за ним поет ¹ , густея,	13
Само грядущее – дружина мудреца,	12
И слушают ² его все чаще, все смелее.	13

¹ Вариант *идет* [2. С. 309] неприменим к лесу, вариант *поет* в этом плане более правдоподобен, ср.: *И в сердце огненной горою // Не купина – горящий лес // Поэт* (М. Кузмин. Глиняные голубки. 1913).

² Форма мн. ч. *слушают*, придающая 12-й строке неопределенно-личное значение, а значит, и смысловую автономность, выставлена по изданию Р. Хьюза и Дж. Мальмстада [3. Р. 686]. Вариант ед. ч. *слушает*, принятый в других изданиях, контекстуально неприемлем, поскольку: а) он приводит к анаколуфу (*Само грядущее – дружина мудреца и слушает*), который ОМ допустить не мог; б) неясно, почему дружина слушает **своего** мудреца *все чаще* (раньше не слушала?) и *все смелее* (преодолевая страх?).

< IV >

Он свесился с трибуны, как с горы, –	10
В бугры голов. Должник сильнее иска.	11
Могучие глаза решительно добры,	12
Густая бровь кому-то светит близко.	11
И я хотел бы стрелкой указать	10
На твердость рта – отца речей упрямых.	11
Лепное, сложное, крутое веко, знать,	12
Работает из миллиона рамок.	11
Весь – откровенность, весь – признанья медь	10
И зоркий слух, не терпящий сурдинки.	11
На всех, готовых жить и умереть,	10
Бегут, играя, хмурые морщинки.	11

< V >

Сжимая уголек, в котором все сошлось,	12
Рукою жадною одно лишь сходство клича,	13
Рукою хищною – ловить лишь сходства ось, –	12
Я уголь искрошу, ища его обличья.	13
Я у него учусь — не для себя учась.	12
Я у него учусь — к себе не зная пощады.	13
Несчастья скроют ли большого плана часть?	12
Я разыщу его в случайностях их чада...	13
Пусть недостоин я еще иметь друзей,	12
Пусть не насыщен я и желчью и слезами,	13
Он все мне чудится в шинели, в картузё	12
На чудной площади с счастливыми глазами.	13

< VI >

Глазами Сталина раздвинута гора	12
И вдаль прищурилась равнина,	19
Как море без морщин, как завтра из вчера –	12
До солнца борозды от плуга-исполина.	13
Он улыбается улыбкою жнеца	12
Рукопожатий в разговоре,	9
Который начался и длится без конца	12
На шестиклывенном просторе.	9
И каждое гумно и каждая копна	12
Сильна, убориста, умна – добро живое –	13
Чудо народное! Да будет жизнь крупна!	12
Ворочается счастье стержневое.	11

< VII >

И шестикратно я в сознании берегу —	12
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы —	13
Его огромный путь — через тайгу	10
И ленинский Октябрь ¹ — до выполненной клятвы.	13
Уходят вдаль людских голов бугры:	10
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят.	13
Но в книгах ласковых и в играх детворы	12
Воскресну я сказать, что ² солнце светит.	11
Правдивей правды нет, чем искренность бойца.	12
Для чести и любви, для воздуха и стали	13
Есть имя славное для сильных губ чтеца.	12
Его мы слышали и мы его застали.	13

Жанром оды обусловлены: 1) установка на «ораторское действие» [4. С. 230]; 2) моменты, с одной стороны, амплифицированной похвалы адресату, с другой – смиренного самоуничижения («self-denying abasement») автора [5. С. 553–554], отсюда прием «“рекузации”, позволяющий прославлять, сохраняя вид скромной уклончивости» и состоящий в «нагромождении сослагательных наклонений» [6. С. 104–105]; 3) предсказание, в котором присутствует «...та же логика, что в классических “Памятниках”, включая и пушкинский, – я умру, а слово мое будет жить» [7. С. 232]: *Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят. // Но в книгах ласковых и в играх детворы // Воскресну я сказать, что солнце светит* (Ода, VII: 6–8), ср.: *Нет, весь я не умру – душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит* (А.С. Пушкин. Я памятник себе воздвиг нерукотворный... 1836). Поскольку в этом контексте *воскресну* означает ‘вернусь в книгах’ (= ‘весь я не умру’), едва ли уместно усматривать здесь «милость Господа» и «воскресение Сына» [8. С. 110], т.е. говорить о «религиозных аспектах» «Оды» [6. С. 106]. Выражение *солнце светит* означает ‘жизнь продолжается’, ср.: *Слава Богу, солнце светит, ветер шумит в листве, дети смеются. Жизнь продолжается* (Ф. Искандер. Ласточкино гнездо. 1994), с этой точки зрения в трактовке лексемы *солнце* как «солнце Сталина» [7. С. 232] видится аллегорезис³.

¹ Заглавная буква (как тематически более уместная для эпохи, в которую был написан текст) выставлена по изданию: [2. С. 310].

² Вариант: как [2. С. 311]. Если имеется в виду смысл *солнце светит* ‘продолжает светить’, т.е. (per metonymian) ‘жизнь продолжается’, то более уместен союз *что*.

³ Аллегорезис – интерпретация выражения как содержащего метафору, в частности аллегория, ср.: *Вход с трагической надписью: «Выхода нет»* (Б. Слуцкий. Дальний автобус. 1971); на мотив «Снесла курочка...»: *вот метафора сказочно точная: // его били-били – не разбили // дед и баба // (т.е. всякие объективные // социально-политические // и социокультурные // тяготы и лишения)* (Т. Кибиров. Шалтай-Болтай. 2001).

В стихотворении наблюдаем «... тот торжественный и монументальный стиль, который наиболее характеризует зрелую поэзию Мандельштама», когда стихи его «... все чаще напоминают маленькие оды или трагедийные монологи» [9. С. 131]. Возвышают стиль текста:

1. Длина стиха. Вариативный размер «Я4ж ↔ Я5м/ж ↔ Я6м/ж» приводит к колебанию силлабического объема стиха в пределах от 9 до 13 слогов. Напомним, что колоны, в частности стихи¹, принято подразделять, согласно старинной традиции, на три типа: а) комма (от 1 до 6 слогов), cf.: «... ὅτι κόμμα ἐστὶ σύνθεσις διανοίας μικροτέρα κόλου, ἀπὸ μιᾶς συλλαβῆς μέχρις ἕξ ἐκτεινομένη» ‘комма сия есть выражение меньше колона, от одного слога не более чем до шести достигающее’ [12. Р. 819 / Περί εὐρ. IV, 1]; б) семиколон (от 7 до 11 слогов), напр.: «Semicolon sustinet medium naturam inter Colon, & Comma, & tamen plus est, quam Incisum, Seu Comma» ‘Семиколон занимает середину между колоном и коммой, <по длине> превышая комму’ [13. Р. 45 / Р. II, 6]; в) длинный колон (от 12 слогов), в частности colon oblongum, превышающий длину гекзаметра: «Colon mediocre est Membrum iustae magnitudinis, intra nimirum duodecimam, & decimam octauam, aut vicesimam Syllabam se continens, diciturque Graece μέτριον» ‘Как полагают греки, умеренной длины колон насчитывает между двенадцатью и восемнадцатью или двадцатью слогами’ [13. Р. 46 / Р. II, 7]. Стилистическая релевантность силлабического объема стиха была отмечена еще в эпоху Античности: «Γίνεται μὲν οὖν ποτὲ καὶ μακροῦ κόλου καιρὸς, οἷον ἐν τοῖς μεγέθεσιν...» ‘Речь о предметах величественных требует удлинения колонов’, поэтому «... διὰ τοῦτο καὶ ἑξάμετρον ἠρῶν τε ὀνομάζεται ὑπὸ τοῦ μήκου, καὶ πρέπον ἦρωσιν...» ‘гекзаметр по своей длине приличествует героической <песне> и <повествованию> о героях’, «... καὶ βραχέος οἷον, ἢ τοι μικρόν τι ἡμῶν λεγόντων...» ‘краткие же колоны к предметам мелким применимы’, их сочетание дает «ξηρὰ σύνδεσις» ‘сухое, аскетичное течение речи’ [10. Р. 6 & 4 / De eloc., 5 и 4]. Колоны «Оды» достигают нижнего предела гекзаметра, слоговой объем которого варьируется, как известно, в пределах от 13 до 17 слогов.

2. Пространность синтаксических построений, усложненная: а) различными видами параллелизма; б) характерным для Библии полисиндетоном

¹ Начиная с Античности ученые указывают на изоморфизм стихового членения поэтической речи и колометрического членения речи прозаической: «Ὡσπερ ἡ ποίησις διαίρεται τοῖς μέτροις-οἷον ἡμέτροις, ἢ ἑξάμετροις, ἢ τοῖς ἄλλοις οὕτω καὶ τὴν ἐρμηνείαν τὴν λογικὴν διαίρει καὶ διακρίνει τὰ καλούμενα κῶλα, καθάπερ ἀναπαύοντα τὸν λόγον, τὰ τε καταλεγόμενα αὐτά, καὶ ἐν πολλοῖς ὄροις ὀρίζοντα τὸν λόγον ἐπειτο μακρὸς ἂν εἴη καὶ ἄπειρος, καὶ ἀτεχνῶς πνίγων τὸν λέγοντα» ‘Подобно тому как поэтическая речь членится на такие меры (μέτροις), как полустихия и гекзаметрические стихи, а также все подобные им, так же и речь прозаическая разделяется и разрезается на так называемые колоны, кои паузами членят речь на множество частей, а иначе речь была бы пространной и безграничной, неискусной и удушающей говорящего’ [10. Р. 2 / De eloc., 1]. Иоанн Сикелиот именовал колон «риторическим стихом (ῥητορικὸς στίχος)», утверждая: «Κῶλον δὲ ἐστὶ στίχος...» ‘Колон является стихом...’ [11. Р. 82 / Ἐξήγ. I: 6–7].

на «и», напр.: **И** поднял вновь, **и** разрешил иначе (Ода, I: 10), ср.: **И** был вечер, **и** было утро (Бытие, I: 5).

3. Практически полное отсутствие: а) резких стиховых членений; б) резких стиховых переносов (за исключением отдельных эмоциональных вкраплений, см., напр.: (Ода, II: 6–8; III: 2–4). Еще Дионисий Галикарнасский отметил, что поэт нередко должен из одного стиха в другой «μικύνειν τὸν λόγον» ‘продлевать речение’ [14. P. 426 / De comp. verb. XXVI: 256]. Рассматривая условия, при которых «[π]ῶς ποιήμα, ἢ μέλος πεζῆ λέξει καλῆ παραπλήσιογένοιτο» ‘[с]тихотворная речь, в частности лирика, приобретает черты сходства с прозой’, Дионисий указал на активность применения переносов как основную причину такого сходства [14. P. 416 и 424–439], cf. latine: «Etenim pedestri quam proxime orationi acceditur, quam numeris mensuris erratum est» ‘‘Чем больше метрических ошибок (т.е. случаев переноса), тем более к **прозе** (букв. ‘к языку солдат’) речь приближается’’ [14. P. 417]. Переносы применяются при стилизации сниженной речи, ОМ явно их избегает; в 68 стихах из 84 стиховые членения совпадают с грамматическими паузами, отсюда «замедленная, плавная, строгая речь, овеянная холодом бесстрастия» [9. С. 131].

4. Ксенизмы, реализующие античные мотивы (*Прометей, Эсхил, Гомер*), ср.: в стихотворениях ОМ, «тематика которых связана с архитектурой, с религией, **с греческим эпосом... с историей**, присутствует единый объединяющий элемент – элемент величия, монументальности и торжественности» [15. P. 25].

5. Минорность не только тематики, но и фоники, в связи с чем отметим роль звука [у]. Считается, что «специфический тембр гласного у придает ...унылость и заунывность» [16. С. 25]. Речь идет о звукосимволизме, который может быть определен как метонимическое ассоциирование звука или буквы с включающим словом, а значит, и его содержанием¹, напр.: /у/ ~ **уныние**, «унылость и заунывность» = печаль, ср.: показать можно «...через О, У, Ы страшные и сильные вещи, гнѣвъ, зависть, боязнь и **печаль**» [18. С. 598]. В том, что минорный тон отвечает высокому стилевому регистру, убеждают результаты простого количественного эксперимента: в стихотворении ОМ «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920), минорном по своей тональности, на один звук [у], представленный графемами у, ю, приходится 25 графических знаков; в стилистически сходном стихотворении «Когда городская выходит на стогны луна...» (1920) – 28; в стихотворении «1 января 1924» (1924, 1937), «мрачном и торжественном» [19. P. 211], – 25; в торжественном и трагическом стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935) – 28; в «Оде» – наибольшая плотность: 22. Данным текстам противостоят шуточные стихотворения ОМ: «Сонет» (1934–1935), где этот индекс составляет 53 единицы; «Антология житейской глупости» (1925) – 59; «Баллада о

¹ Ср.: «В стихе фонемы, составляющие слово, приобретают семантику этого слова» [17. С. 176].

горлинках» (1924) – 43; «Из альбома Д.И. Шепеленко» (1923) – 51; «Эпиграмма в терцинах» (1931) – 64; как видим, звук [у] здесь приблизительно в два раза менее частотен.

6. Установка на затемнение. Высокий стиль несовместим не только с комизмом («Ода» минорна тематически и фонетически), а также с бытовыми ассоциациями (в «Оде» они отсутствуют), но и с открытостью дескрипций. Сопоставляя речь прикрытую и открытую, Деметрий Фалерский пишет: «*νῦν δὲ ὥσπερ συγκαλύμματα τοῦ λόγου τῆ ἀλληγορία κέχρηται: πᾶν γὰρ τὸ ὑπονοούμενον φανερώτερον, καὶ ἄλλος εἰκάζει ἄλλο τι: ὁ δὲ σαφὲς καὶ φανερόν, καταφρονεῖσθαι εἰκόσ, ὥσπερ τοὺς ἀποδεδυμένους*» ‘Аллегория (имеется в виду ἀλληγορία in genere, т.е. любой перенос. – В.М.) представляет собой **речь прикрытую**, а все, что заключает в себе темный намек, возбуждает гораздо больше ужаса и всяких догадок среди слушателей. С другой стороны, то, что **выражено ясно и открыто**, достойно лишь **презрения**, подобно человеку без одежды’ [10. Р. 74 / De eloc., 100]. Затемненность «Оды» вполне отвечает этому правилу.

Затемнение в текстах ОМ связано не только с возвышением стиля, но и с профетическим пафосом, что соответствует сути поэзии (ср. лат. *vates* ‘поэт’, ‘пророк’). ОМ обладал «необыкновенно точн[ым] зрени[ем] и провидчesk[им] дар[ом]» [20. С. 468]. Из воспоминаний Н.А. Павлович: «Но вот он начал читать, нараспев и слегка ритмически покачиваясь. <...> Я никогда не видела, чтобы человеческое лицо так изменялось от вдохновения и самозабвения. Некрасивое, незначительное лицо Мандельштама стало **лицом ясновидца и пророка**» [21. С. 167–168]. Сочетание высокого стиля и установки на затемнение характерно для символизма¹, от которого ОМ, строго говоря, никогда не отходил: «Осип Мандельштам, разрывая связи с символистами, оставался продолжателем символизма» [22. С. 395]. С этой точки зрения вызывает понимание позиция Г.В. Адамовича: «...Блок один в наш век Пушкину противостоит и до известной степени ему отвечает, и его продолжает. <...> Есть **царство Блока**, и сознают они это или нет, **все новейшие русские поэты – его подданные**, даже если иные среди них и становятся подданными-бунтовщиками и подданными-отступниками» [23. С. 88, 90].

1. Методика исследования

Основу любого научного исследования составляет описательный метод, который помимо наблюдения таксономически релевантных сторон объектов предполагает сопоставление последних по определенному параметру: так, метод аналогии применяется ниже для подтверждения языковой реальности выявляемых смыслов, что во многом определило отбор источ-

¹ См., напр., тексты из цикла «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока: *Встали надежды пророка – // Близки лазурные дни. // Пусть лучезарность востока // Скрыта в неясной тени* (А. Блок. Посвящение. 1901).

ников иллюстративного материала. Предмет и, соответственно, выбор частных методов исследования определен следующей доминантной особенностью стихотворений ОМ: известно, что с начала 20-х гг. в стихах поэта рядом с прежними, простыми и ясными, что соответствует установкам акмеизма, появляются противящиеся расшифровке темные дескрипции, «[...] недоступные вполне обычному пониманию» [24. С. 32]. Характерные для восприятия поэзии позднего ОМ «[о]тзывы “непонятно”, “загадочно”, “бесмысленно”» диктуют необходимость «найти пути, способы ее постижения» [25. С. 5]. Типовыми источниками неясности, релевантными для поэтической речи и характерными, в частности, для поэтики ОМ, являются:

1. **Мотивационное осложнение речи** (см. раздел 2), к которому приводят переносы как генераторы катахрезных, т.е. абсурдных, зачастую лишь на первый взгляд, словосочетаний, возникающих в результате конфликта внутренней формы слова с контекстом¹. Один из постулатов священной филологии, восходящий к концепции М. Лютера, гласит: «Scriptura Sacra sui ipsius interpres» ‘Священное Писание интерпретируется через себя’², т.е.: 1) через ранние издания и оригинал; 2) через контекст, в частности предтекст и «широкий контекст (totius contextus)» как «ключ (clavis)» к элокутивно затемненному тексту, в связи с чем М. Флавиус (1520–1575), используя в качестве когнитивной аналогии уподобление частей текста частям тела, утверждает, что: а) часть поддается осмыслению только с опорой на целое, et vice versa (эта методика анализа известна как принцип герменевтического круга): так, для толкования частей текста, каковыми являются переносные выражения и иные loci obscuri, «considerandae materiae, & totius contextus» ‘рассматриваются содержание и широкий контекст’, т.е. целое; б) сумма частей текста подчинена замыслу («primum scopus ipse & tota summa singulis partibus»), как тело – голове. Вся аналогия выглядит так: «...tot membra aut partes ad efficiendū hoc unu corpus conueniant: quoniam sit, singulorū membrorū uel inter sese, uel etiam cum toto corpore, ac praesertim cum capite ipso, conuenientia, harmonia ac proportio» ‘все члены <телесные>, или части <текста>, должны в полной мере целому соответствовать, с тем чтобы отдельным членам между собою и со всем телом в целом, в особенности же с головою (т.е. замыслом) быть в соответствии, гармонии и пропорции’ [27. Р. 17, 23]. Современная версия контекстуального анализа диктует обращение: а) к типологии элокутивных тактик; б) к приемам экспериментальной методики, прежде всего к трансформационному анализу.

2. **Интертекстуальное осложнение речи** (см. раздел 3). Адекватное понимание такого осложнения предполагает выявление прецедентного текста.

¹ К абсурду приводит нарушение принципов правдоподобия и логики. К числу переносов, нарушающих эти принципы, отнесем: а) метафору; б) метонимию; в) таксономические переносы (с вида на род и с вида на вид), исключая abstractum pro concreto (животное вм. кот), так как этот перенос не связан с подменой понятий.

² Cf.: «Oporet ...Scriptura ... ut sit ipsa per sese certissima ... sui ipsius interpres...» [26. Р. 100].

3. **Конситуативное осложнение речи** (см. раздел 4). Еще Иоанн Злаотуст указал на то, что при пояснении темных мест текста предметом изучения должны стать факты («ιστορία»¹): «Что неясно <в тексте>, поведай мне! Изучи и проясни факты, чрез них о неясностях задайся вопросами»² [28. Р. 611]. При истолковании стихотворений ОМ трудно обойтись без обращения к фактам его биографии: «...соотнесение поэтического и биографического объективному познанию не противопоказано. Тем более, что биография Мандельштама грозно нависает над его искусством – она слишком много весит, чтобы от нее можно было отвлечься» [25. С. 6]. Существует, однако, и иное отношение к этому аспекту анализа: «Есть справедливое презрение к литературным биографиям, журналистскому и обывательскому интересу к личной жизни художника, потому что здесь начинаются объяснения и трактовки, ничего общего с его произведениями не имеющие» [29. С. 317].

В указанных трех случаях возникают наиболее сложные для анализа *loci obscuri*; впрочем, анализ с контекстуальной, интертекстуальной либо конситуативной точек зрения приводит к разъяснению невязки и, соответственно, к трактовке, отвечающей авторскому замыслу. Эти три точки зрения мы принимаем за *τόποι*³, с которых следует рассматривать темные места в текстах ОМ. Не только *loci obscuri*, но и варианты текста ОМ могут быть рассмотрены: 1) с конситуативной точки зрения, напр.: *октябрь / Октябрь* (Ода, VII: 4); 2) с контекстуальной точки зрения, напр.: а) *Лес человечества за ним идет / Лес человечества за ним поет* (Ода, III: 10); б) *слушает / слушают* (Ода, III: 12); в) *как солнце светит / что солнце светит* (Ода, VIII: 8). Как показывает представленный ниже анализ научной литературы, недооценка конситуативного тестирования и названных приемов лингвистического анализа приводит к искажению связей между художественным миром и отраженной в нем действительностью, в частности к буквальному пониманию текста и к аллегорезису. Именно здесь наблюдаем методологические упущения в сфере исследования поэтики ОМ, а зачастую и «просто глубокое непонимание» [30. С. 140].

2. Мотивационный комментарий

Фактором мотивационного осложнения номинаций «Оды» выступают семантические переносы как источники не всегда понятных подтекстов, а также катахрезных словосочетаний, буквальное понимание которых приводит

¹ То есть, выражаясь языком современной филологии, фоновая фактологическая информация, в частности конситуация, ситуативный контекст.

² Cf.: «Ποῖον ἄσαφές, εἰπέ μοι; οὐχὶ ἱστορίαί εἰσὶ; τὰ γὰρ σαφῆ οἶδας, ἵνα περὶ τῶν ἄσαφῶν ἐρωτήσῃς».

³ Термин *τόπος* употребляется здесь, в соответствии с античной традицией, в логическом смысле 'аспект анализа' и не имеет отношения к термину *τοπος* в более позднем филологическом его понимании.

к абсурду. Под этим углом зрения следует рассмотреть двенадцать фрагментов текста:

1. *Когда б я уголь взял для высшей похвалы – // Для радости рисунка непреложной, – // Я б ВОЗДУХ расчертил на хитрые углы...* (Ода, I: 1–3). Зачин «Оды» построен на развернутой метафоре, уподобляющей поэта художнику, рисующему углем. По мнению И. Бродского, «...моментальная поляризация в строке возникает: уголь, **низкий** (?) материал – “высшая похвала”, – то есть не совпадающий с высшей похвалой... Тут сразу же возникает двойственность, и Манделштам в этой “Оде” от начала и до конца минимум двойственен. То есть, разумеется, речь идет не о двойственности его чувств, это было бы слишком банально, а о **двойственности <поэтических> техник**, которыми он здесь пользуется» [31. С. 43]. Оценка угля как «низкого материала» (подходящая, напр., к слову *деготь*) не соответствует коннотационалу лексемы *уголь*, ср.: *черное золото, солнечный камень*. Думается, дело не в этом. Как показал анализ, целый ряд темных мест «Оды», в том числе и та «двойственность», которую почувствовал Бродский, проясняется при рассмотрении техники рисования углем. Последняя предполагает:

1.1. Твердую поверхность, ср. далее: *Я уголь искрошу, ища его обличья* [Ода, V: 4]; идея «расчертить воздух» поясняется ниже.

1.2. Предварительный эскиз, создавая который, следует обозначить основные элементы композиции, т.е. «начинать с линий» [32. С. 52], ср.: *Я б несколько гремячих линий взял* (Ода, 2: 1); применительно к тексту ОМ такой эскиз состоит в расчерчивании *на хитрые углы*. Едва ли тут подразумеваются: а) «тема углов, в которых скрываются и прячут (ср. с выражением ‘загнать в угол’, т.е. поставить в безвыходное положение)» [33. С. 300]; б) «тайный чертеж» [33. С. 291]; в) «пентаграмма», «пятиугольная звезда» [34], поскольку эти трактовки не вяжутся с мотивом рисования портрета; г) «...намеки на ремесленный прием рисующих с образца портретистов, расчерчивающих образец и свою **копию** на квадраты» [34. С. 587], ибо речь идет о создании оригинального портрета, а не копии. Если исходить из того, что в стихе *Чтоб настоящее в чертах отозвалось* (Ода, 1: 5) речь идет о *чертах лица*, а в портретных изображениях «[к]лючевую роль в лице Сталина обычно играют глаза – источник взгляда...» [35. С. 176], то *хитрые углы* в эскизе ОМ составляют прежде всего уголки хитро прищуренных глаз, ср.: *Как зачарованная, глядела я на [...] его густые черные брови, хитрый прищур, кавказские усы, – пока меня не осенило, что это – Сталин* (Т. Толстая. Не кысь (2004)). Выражение *хитрые углы* образовано, скорее всего, посредством характерного для поэтики ОМ метонимического смещения (см. ниже): *уголки хитро прищуренных глаз* → *хитрые углы*. К этому же образу отнесем: а) уголки бровей: *Я б поднял брови малый уголок* (Ода, I: 10); б) отходящие лучами от уголков глаз морщинки: *Товарищ Сталин хитро улыбнулся, отчего разбежались к уголкам глаз обаятельные морщинки* (Л.Г. Бояджиева. Возвращение Мастера и Маргариты (2005)); *От уголков глаз бегут вверх, к вискам, мелкие морщины, какие образуются у людей, часто прищуриваю-*

щихся. Он и сейчас **щурился**, попыхивая трубкой (В. Кетлинская. Иначе жить не стоит. 1966), ср. в одном из ранних вариантов «Оды»: *Бегут, играя, щурые морщинки...* [36. С. 345]. Этот же прищур наблюдаем у директора Воробьевского совхоза, портрет которого создан ОМ в набросках к книге «Старый и новый Воронеж»: «Выражение его лица давало весь переход от удивительной доброты и ласки к угрозе – через насмешку, через **стрелковый прищур**: от зоркости это лицо с удивительной быстротой несло к подозрительности» [37. С. 462] ‘прищур стрелка’ (военная метафора). Если полагать, что отходящие лучами от уголков глаз морщинки напоминают *линии гремучего взрыва*¹ (ср. *гремучая смесь, ртуть, граната*²), то выражение *Я б несколько гремучих линий взял* (Ода, 2: 1) также следует понимать как построенное на военной метафоре (со сдвигом эпитета). Едва ли целесообразно видеть здесь: а) ассоциацию с гремучей змеей, увязывая с ней образ Сталина [33. Р. 296–297; 38. С. 145]; б) некую тайнопись, «зашифровку» [33. Р. 243]. Линии морщинок, отходящих лучами от уголков глаз, коррелируют: а) с улыбкой, упоминаемой ниже: *Я б несколько гремучих линий взял* <...> // *И мужество <бойца> улыбкою связал* (Ода, II: 1 и 3), *связал* – здесь: ‘смягчил’⁴; б) с высоко поднятыми бровями: *Я б поднял брови малый уголок, // И поднял вновь, и разрешил иначе* (Ода, I: 9–10); судя по кадрам кинохроники (см.: [40]), когда Сталин был доволен и когда улыбался, брови высокими дугами поднимались вверх, когда хмурился – опускались. Под словами *разрешил иначе* следует понимать решение художника сблизить образ Сталина с образом Прометея, ср. строкой ниже: *Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!* (Ода, I: 12).

1.3. Контрастный фон, прежде всего белый⁵, отсюда: а) типовая характеристика рисунка, выполненного углем как источником и ассоциатом

¹ Ср.: *Они [умственные движения] влекут за собой... не гремучие взрывы, а тихие разряды массовой деятельности* (А.Л. Чижевский. Психические эпидемии и циклическая деятельность Солнца. 1929).

² Данное словосочетание находим в известной песне о событиях Гражданской войны: *Орленок, орленок, // Гремучей гранатой // От сопки солдат отмело* (Я.З. Шведов. Орленок. 1936).

³ См. ниже: *Художник, береги и охраняй бойца* (Ода, III: 12); *Правдивей правды нет, чем искренность бойца* (Ода, VII: 12), ср.: *С ранних юношеских лет товарищ Сталин – боец за дело партии, за дело рабочего класса, за дело трудящихся* (Е. Ярославский. О товарище Сталине. 1941).

⁴ С. Баталов, усматривая в стихах *И мужество улыбкою связал // И развязал в ненапряженном свете* (Ода, II: 2–3) «аллюзии[ю] на евангельские слова: “Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе” (Мф. 18:18)», делает вывод: «Лирический герой посланник Бога» [39]. Но в речи Иисуса, обращенной к ученикам, глагол *связать* принято понимать как ‘осудить’, *разрешить* – как ‘простить’, ср.: *...властью Его мне данную, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих* (Разрешительная молитва (XIII в.), в «Оде» же эти глаголы отнесены к процессу рисования).

⁵ Роль фона может выполнять и тонированная бумага [32. С. 49], но в бытовом сознании рисование углем ассоциируется именно с белой: *Тетя Дотя начнет рисовать*

черного цвета: «черно-белый» [41. Р. 39]; б) оценка угля как «проводника черно-белого» [42. Р. 72], ср.: «Инструментами черно-белого рисунка... являются свинцовые карандаши, мелки, уголь, а также перо и чернила» [43. Р. 1]; в) сходство выполненных углем рисунков с черно-белыми фотографиями [44. Р. 44]. Д.Г. Лахути отмечает: «Уголь, помимо прочего, задает черный цвет: похвала Сталину в той мере, в какой она присутствует в “Оде”, хочешь не хочешь, окрашена черным» [45. С. 71]. Но с этой точки зрения: 1) слово *похвала* в 1-м стихе должно обрести антифразисный смысл, а «Ода» – характер элевации¹, чего в действительности нет; 2) Сталин предстает в угольно-черном облике [45. С. 102], хотя: а) техника рисования углем облигаторно предполагает белый фон; б) художник в «Оде» рисует *линиями*, а не закрашивает портрет сплошь черным цветом. Точнее было бы считать, уже с точки зрения науки о языке, что в основу стиха *Когдаб я уголь взял для высшей похвалы* положен косвенный оксюморон, осложненный символикой черного цвета. Напомним: 1) оксюморон представляет собой сочетание противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость объекта: *Я царь – я раб – я червь – я бог!* (Г.Р. Державин. Бог. 1784); 2) в основе оксюморона как приема нарочитого абсурда лежит нарушение логического закона непротиворечия, в соответствии с которым суждение и его отрицание, в частности противоположные оценки (*царь* и *раб*), не могут быть одновременно истинными применительно к одному объекту; 3) нарушение это (*contradictio in adiecto*) кажущееся, поскольку оценка здесь производится по разным параметрам, ср.: *Я царь природы, но я раб страстей своих*; 4) известны два номинативных типа оксюморона: а) прямой: *горячий холод, живой мертвец*; б) косвенный: *горячий снег, живой труп, Лев Мышкин, уголь для похвалы*. Косвенный оксюморон менее очевиден, так как контраст в нём не опирается на значения, а выводится из пресуппозиций: *снег* – ‘холодный’, *уголь* – ‘черный’. В Риме символом похвалы считался мел, символом отрицательной оценки – уголь², ср.: *...ut creta an carbone notati?* ‘оценено положительно или нет, похвала или хула?’, букв. ‘писано мелом иль углем?’ (Гораций. Сатиры (II, 3: 246). 30 г. до н. э.). «Сатиры Квинта Горация Флакка» в переводе М.А. Дмитриева (1858) – текст слишком известный,

очень внешне на бледно-белом лице, точно углем на белой бумаге (А. Белый. Крещеный китаец. 1921).

¹ Элевация – ироническое восхваление, ср.: *А я, неведомый Пиита, // В восторге новом воспою // Во след Пиита знаменита // Правдиву похвалу свою* (А.С. Пушкин. Ода его сият. гр. Дм.Ив. Хвостову. 1825).

² Пример сходной символики в русском языке: *Сейчас ото всех открытых алтарей гремит светлая похвала торжественного лика* (Д. Крючков. Последний рыцарь. 1916). В «Оде» как ассоциат черного цвета осмыслен не только уголь, но и *чад* (‘источник копоты, сажи’) – метафора-символ <черного> несчастья, противопоставленная большому плану <построения светлого будущего>: *Я уголь искрошу, ИЩА его обличья <...> Несчастья СКРОЮТ ли большого плана часть? // Я рызую его в случайностях их чада...* (Ода, V: 4 и 7–8).

чтобы не принять во внимание возможность его прецедентной роли по отношению к «Оде».

Г. Фрейдин полагает, что ОМ «рисует горящим Прометеевым углем» [19. Р. 261]. Но мотив угля в «Оде» используется как основа двух разных образов с разными **субъектами**: а) *уголь (уголек)* ‘инструмент художника’: *Когда б я уголь взял (Ода, I: 1), Сжимая уголек, в котором все сошлось (Ода, V: 1)*; б) *уголек* метонимич. ‘огонек’, здесь – ‘священный огонь Прометея’: *Знать, Прометей раздул свой уголек (Ода, I: 11)* ‘раздул свой огонек’, ср.: *В твоей душе огонь горит, Огонь священный Прометей! Иди смелей! Он, пламеня, Тебе дорогу озарит! Лелей в груди негодованье, Бичуй порок, на зло восстань* (К. Бальмонт. С норвежского. 1892). Первое словоупотребление отвечает узусу, второе имеет авторский характер. Замена «<Прометеев> огонь → уголек ‘огонек’» стимулируется: а) фонетически – первым рифмантом (*уголок*); б) стилистически, ибо «[п]оэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень» [46. С. 208]: *уголь / уголек* ‘инструмент художника’ → *уголек ‘огонек’*¹. По мысли М.Л. Гаспарова, «от уголька Прометея возникает образ графического рисунка в начале Оды» [47. С. 99]. Думается, что *уголь* в руках художника более значим, поскольку формирует аксиологический подтекст, отвечающий стратегической идее текста – создать антиномический образ, коррелирующий с ключевым тезисом «Оды»: *Должник сильнее иска*.

И. Бродскому принадлежит уподобление «Оды» ОМ его же «Грифельной оде» (1923): «БРОДСКИЙ. Знаете, ведь у Мандельштама есть стихотворение “Грифельная ода”? Так вот, это – “Угольная ода”: “Когда б я уголь взял для высшей похвалы...”» [48. С. 25]. Данная аналогия представляется ложной, что, впрочем, отвечает ее каламбурной интенции. В этой связи укажем ряд неувязок: а) предмет «Грифельной оды» – творчество, предмет «Оды» – личность государственного деятеля; б) на грифельной доске *писали*, а не *рисовали*; в) писали *грифелем*, а не *углем*². В этом контексте не кажется убедительной попытка серьезного научного обоснования указанной шуговой аналогии, ср.:

«Сопоставление “Грифельной оды” и “Оды” Сталину выявляет множество интересных соответствий. “Грифельная ода” посвящена **гибельному, с точки зрения Мандельштама**, времени в истории России, времени *сдвига*. В “Оде” 1937 г. поэт **тоже** [?] указывает, что Сталин “*сдвинул ось*” [так в тексте, следует: *сдвинул мира ось*. – В.М.]:

Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг (“Грифельная ода”)

Я б рассказал о том, кто сдвинул <мира³> ось (“Ода”)) [49. С. 113].

¹ Данный прием известен как антанаклаза (греч. ἀντανάκλασις ‘отражение’) – повтор слова в разных значениях: *Я болен прошлым, ибо у будущего будущего нет!* (М. Амелин. Четыре раза снег ложился, таял... 1998).

² Грифель изготавливается из глинистого сланца. И в сланце, и в угле, а также, добавим, в алмазе содержится графит, но в функциональном и коннотативном отношениях грифель, уголь и алмаз несопоставимо различны.

³ Конъектура наша. – В.М.

Согласно сходной трактовке солнце «будет светить вопреки **разрушительной** деятельности Сталина, вопреки его попыткам сдвинуть ‘мира ось’» [33. С. 328]. Вопрос о понимании метафоры *сдвинул мира ось* спорный (см. обзор: [50. С. 64–66]); вместе с тем отметим, что: а) в «Оде» речь идет о политическом сдвиге¹, в «Грифельной оде», посвященной идее творчества, – едва ли; б) в «Оде» – о *сдвиге оси*, в «Грифельной оде» – просто о *сдвиге*, ось здесь не упоминается. Если же принять тезис ОМ *Должник сильнее иска* в общеизвестной трактовке М.Л. Гаспарова (см. пункт 2), то становится трудно назвать сталинскую эпоху «гибельной» для страны, особенно «с точки зрения Манделштама»². По мнению О.А. Лекманова, под выражением *сдвинул мира ось* подразумевается «сталинская конституция» [53], но основным закон не преобразует общество (*сдвигает мира ось*), а лишь «закрепляет те основы общественного строя и политики государства, которых оно достигло» [54. С. 22]. Рассмотрим пояснение еще одного фрагмента (*Ода*, V: 1–8): «Эзопов язык этой строфы строится на подмене грамматического значения – контекстуальным (точнее, на неоднозначной референции. – В.М.). Местоимение третьего лица мужского рода *воспринимается* адресованным Сталину (по аналогии с темой стихотворения и по привычке использовать фигуру умолчания в разговоре о нем), но на самом деле **Сталин в этой строфе даже не упоминается, речь идет об угольке**: *Я уголь искрошу, ища его обличья, я у него учусь...* В зависимости от атрибуции местоимения (точнее, от его референции. – В.М.) текст получает различное значение (точнее, различные смыслы. – В.М.)³. И если мы прочитаем его в соответствии с грамматической структурой строфы, держа в уме семантику **уголька как символа поэтической правоты, под сказанную “Грифельной одой”**, то получится совсем иной текст – о сущности времени, о сути и обличье поэзии, о роли и ответственности поэта» [49. С. 115–116]. Комментатор не принимает во внимание: а) тот факт, что уголь ни к грифельной доске (здесь видится фактическая ошибка), ни, следовательно, к «Грифельной оде» отношения не имеет; б) тот факт, что

¹ При этом речь идет не обо всем мире, а об СССР, где, с учетом сложностей в определении границ между языком и диалектом, «общее количество языков определяется от ста двадцати восьми до ста тридцати двух» [51. С. 15], ср.: *Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось, // Ста сорока народов чтя обычай.*

² Приведем заключительные строки стихотворения, тематически близкого к «Оде»: *И на земле, что избежит тленья, // Будет будить разум и жизнь Сталин* (ОМ. Если б меня наши враги взяли... (февр. – март 1937)). По поводу конъектуры *будить* → *губить* (Н.Я. Манделштам): а) «Почему вся вызывающая смелость <предтекста> должна быть подытожена утверждением о том, что Сталин все будет губить?» [52. Р. 602]; б) данная конъектура возможна лишь при буквальном понимании метонимии *Сталин* ‘учение Сталина’.

³ Addenda к истории вопроса: мысль о том, что «местоимения в “Оде” референционно двунаправленны», высказал еще В.П. Григорьев [55. С. 118], а до него – Н. Струве: «...поди разбери, кого он имеет в виду под этим “он”, верховного вождя или самого себя?» [56. С. 103].

уголь обличьем (лицом, обликом) не обладает, следовательно, местоимение *его* однозначно относится к человеку, облик и суть которого пытается уловить художник: *Я уголь искрошу, ища его обличья* (Ода, V: 4).

2. *Должник сильнее иска* (Ода, IV: 2). Смысл этой развернутой судебной метафоры, оформляющей ключевой тезис «Оды», таков: «Иск Сталину предъявляет прошлое за все то злое, что было в революции и после нее; Сталин пересиливает это светлым настоящим и будущим. Несчастья – это случайности, чадающие вокруг большого плана. Решение на этом суде выносит народ, и оно непререкаемо...» [47. С. 94]. Ср.: *Я у него учусь – не для себя учась. // Я у него учусь – к себе не зная пощады. // Несчастья скроют ли большого плана часть? // Я разыщу его в случайностях их чада...* (Ода, V: 5–8). С этой точки зрения: а) ОМ увидел «светлое настоящее», т.е. результаты того, что было сделано в СССР под руководством Сталина: восстановление промышленности, что впоследствии обеспечило победу в Великой Отечественной войне; создание системы здравоохранения, системы всеобщего среднего обучения, современной университетской системы, etc., ср. в оде, «возможно, повлиявшей на Мандельштама» [57. Р. 41]: *Исчез племен несовершенный быт* (Н. Заболоцкий. Горийская симфония. 1936); б) в восприятии ОМ Сталин, своей волей, беспощадной к себе (*Я у него учусь – к себе не зная пощады*¹), а также трудом мыслителя, строителя (*Кто мыслит, чувствует и строит*) сделавший для страны то, что не удалось сделать предыдущим правителям, обрел положительные черты. Биограф Сталина пишет: «И эпоха, в которую он жил, и сама личность, давшая название целой эпохе, **не поддаются однозначному определению**. <...> Здесь нужны более емкие, более масштабные исторические критерии, требуются не черный и белый цвета, а вся палитра красок, чтобы более или менее объективно обрисовать Сталина и его политические деяния» [58. С. 8]. Если принять тезис *Должник сильнее иска* в трактовке Гаспарова и предложенную выше импликацию черно-белого рисунка, то из этого вытекает, что ОМ в обстановке, этому не способствовавшей², указал на диалектическую противоречивость фигуры Сталина, т.е. дал ему объективную оценку.

Под *должником* в контексте *Должник сильнее иска* имеются в виду скорее результаты работы, заслуги Сталина, чем сам Сталин (ср.: *Заслуги Сталина сильнее иска* / **Сталин сильнее иска*), под *иском* – не истец (народ), а, по формулировке Гаспарова, «то злое», что пришлось перенести

¹ И. Фролов утверждает: «Эту откровенную двусмысленность – “я у него учусь – к себе не зная пощады” читать нужно так: он (Сталин) не знает пощады **ко мне** (Мандельштаму)» [34]; данный тезис сомнителен, поскольку выражения *ко мне* и *к себе* в данном контексте не синонимичны и не взаимозаменяемы, ср.: *Я у него учусь – к себе не зная пощады* → **Я у него учусь – ко мне не зная пощады*.

² «Понятно, что в стихах о Сталине 1930-х годов не могло найтись места критике каких бы то ни было сталинских начинаний, даже такой мягкой и с оговорками критике, как в мандельштамовской “оде”: “Несчастья скроют ли большого плана часть, / Я разыщу его в случайности их чада”» [53].

народу, т.е. выражение *Должник сильнее иска* следует понимать в морально-этическом, а не административно-силовом смысле (ср.: *Должник сильнее иска* [сила правоты, моральная сила] / **Должник сильнее истца* [административная сила, сила власти]); под указанной судебной метафорой – две чаши на весах народного суда, ср.: *И что народ, как судия, судит* (ОМ. Если б меня наши враги взяли... 1937). Осмысление данного образного выражения ad litteram приводит к следующей трактовке: «Я хочу подчеркнуть: не *правее иска*, не *более прав*, чем *истец* [здесь видится если не подмена, то потеря тезиса: ‘иск’ → ‘истец, народ’], а именно *сильнее*» [45. С. 46]. В своем комментарии, в целом верном, Н.А. Богомолов утверждает: «Естественно полагать, что здесь имеется в виду **прямой** смысл выражения: должник сильнее, потому что более прав, чем предъявляющие ему иск» [59. С. 395]. Речь, однако, идет о моральной силе, о силе правоты, т.е. о переносном смысле данного выражения.

3. *Он улыбается улыбкою жнеца // Рукопожатий в разговоре* (Ода, VI: 5–6). Здесь метафора жатвы усилена звуковым сходством, ср. *жать* (*жму, жмешь*) *руки* и *жать* (*жну, жнешь*) *пшеницу*; таким способом узуальная метафора обновлена за счет поэтической этимологии. Метафорический статус выражения подтверждается возможностью компаративной трансформации (*жнет рукопожатия* → *жнет рукопожатия, как жнец пшеницу*), что ставит под сомнение следующую трактовку: «[...] он “улыбается улыбкою жнеца // рукопожатий¹ в разговоре” (тройкратная метонимическая цепочка)» [49. С. 116]. Метонимии здесь, разумеется, нет: «вождь **уподобляется** жнецу» [53]. Контекст *рукопожатий* исключает постулируемую некоторыми исследователями ассоциацию слова *жнец* с жатвой смерти [33. С. 326, 345; 39], а значит, и следующее, явно основанное на аллегорезисе, понимание стихов *И каждое гумно и каждая копна // Сильна, убориста, умна – добро живое* (Ода, VI: 9–10): «...‘каждая копна’ (сноп хлеба), *сильная* и *умная*, это ‘пшеница человеческая’, которую без устали жнет Сталин. Сжатое Сталиным ‘добро живое’ – это ‘человеческое зерно’, т.е. люди или ‘чудо народное’» [33. С. 326; 39]. В действительности под *умной копной* имеется в виду (per metonymian) *умно сложенная копна*, ср.: *То ли печь покойный отец так умно сложил, то ли мать была топить мастерица* (И. Велембовская. За каменной стеной. 1962); *хитроумно* (*хитро, умно*) *сделанный механизм* → *хитроумный* (*хитрый, умный*) *механизм*.

4. *Глазами Сталина раздвинута гора // И вдаль прищурилась равнина* (Ода, VI: 1–2). Препятствие сравнивается с горой, горизонт – с прищуром глаз, отсюда метафора *вдаль прищурилась равнина* ‘открылся горизонт’². Обстоятельство места *до солнца* <борозды от плуга-исполина> (Ода, VI: 4) следует понимать как ‘до открывшегося солнца’, т.е. ‘до горизонта’; бук-

¹ Так в тексте: littera notabilior отсутствует.

² На портретах и в словесных описаниях Сталин изображался с прищуренными глазами (см. пункт 1).

вальное понимание (гипостазирование) приводит к констатации попыток Сталина «сдвинуть ‘мира ось’ и провести ‘до солнца борозды’» [33. С. 328], i. e. ad absurdum.

5. *В рост окружи его СЫРЫМ и синим бором // Вниманья влажного* (Ода, III: 2–3). Здесь наблюдаем: а) сдвиг эпитета: *влажный бор* → *влажное вниманье*; б) реализацию присущей словам *лес* и *бор* коннотации ‘защитник <воздуха, полей, водоемов>’, ср.: *лесополоса* ‘защитная полоса’, с одушевленным бенефициантом: *Лишь плотный, темный днем и ночью бор, друг и защитник партизан, угрожающе гудел верхушками сосен* (В.Г. Левченко. Герои 1812 года. 1987).

6. *Все моложавое его тысячелетье* (Ода, II: 2). Номинация *его тысячелетье* может быть понята (по формуле «finitus numerus pro infinito») как ‘сталинская эпоха, сталинский век’¹, *моложавое* ‘живое, бодрое’ – как смещенный эпитет, отражающий типовую для портрета Сталина середины 30-х гг. характеристику: *Крепкий, моложавый для своих пятидесяти с небольшим, Сталин входит в квартиру* (О. Кучкина. Сталин. 2009); *Мне приснился сон. Будто я еду на грузовике по вечерним улицам, а рядом в кабине, за рулем, в простой шинели, покуривая трубку, сидит моложавый Сталин. – Видишь, сколько мы всего понастроили, – говорит он* (Г. Шурмак. Нас время учило (1989)). Двустипшие *Я б несколько гремучих линий взял, // Все моложавое его тысячелетье*, с учетом сказанного выше (см. пункт 1), следует понимать как свертку: ‘несколько гремучих линий <в которых отразилось> все моложавое его тысячелетье’. Буквальное осмысление слова *тысячелетье* как ‘возраст <Сталина>’ приводит к выводу о том, что «правитель он уже не земной и преходящий, а вневременный, почти божественный» [60].

7. *Как море без морщин, как завтра из вчера* (Ода, VI: 3). Применена тактика *pars pro toto*: а) *завтра* ‘<светлое, спокойное (как море без морщин)> будущее’; б) *вчера* ‘прошлое’. Если принять эту трактовку, то под выражением *завтра из вчера* необходимо понимать светлое будущее («завтра»), о котором мечтали в прошлом («вчера»).

8. *Лепное, сложное, крутое веко, знать, // Работает из миллиона рамок* (Ода, IV: 7–8). Строки темные: «Что значит “веко работает”? Какая может быть работа у века?» [45. С. 54]. Следует полагать, что имеются в виду работа наглядной агитации и, по формуле «*pars pro toto*», фотографии Сталина в газетах, его портреты в учреждениях, а также на стенах зданий, как будто бы висящие в воздухе: *Средь народного шума и сбега, // На вокзалах и пристанях // Смотрит века могучая веха // И бровей начинается взмах. <...> // И ласкала меня и сверлила // Со стены этих глаз журьба* (О. Манделъштам. Средь народного шума и сбега... 1937). Не исключено, что идея *воздух расчертить на хитрые углы* восходит к этому наблюдению; если это так, то едва ли воздух взят лишь для того, «чтобы следов <рисунка> не осталось» [34].

¹ Ср.: *Мы именем его назвали век* (Н. Тихонов. Как он учил бесстрашию людей... 1953).

9. *Для чести и любви, для воздуха и стали <...> // Его мы слышали и мы его застали* [Ода, VII: 10, 12]. По мнению Гаспарова, здесь имеет место анаграмматическая рифма *стали – застали* [47. С. 87], т.е. анаграмма слова *Сталин*. Мы видим здесь эхо-рифму: именно ее побочным семантическим эффектом бывает метанализ¹, ср.: *сороковые – роковые* (привносится смысл ‘роковые’), *стали – застали* (привносится смысл ‘сталь, <из> стали’). Аллюзия к имени Сталина: а) со стороны первого рифманта – деривационная, апеллирующая к внутренней форме фамилии: *Сталин* <сталь>; б) со стороны второго рифманта – фонетическая: *Сталин* ~ *застали*. Уточнение *Есть имя славное для сильных губ чтеца* (Ода, VII: 11), видимо, предполагает то **имя**, артикуляция которого требует преодоления труднопроизносимого скопления **губных** согласных на стыке слов: *Иосиф Виссарионович*.

10. *Он все мне чудится в шинели, в картузе // На чудной площади с счастливыми глазами* (Ода, V: 11–12). Слово *площадь* ‘люди на площади’ применено здесь метонимически; отнести определение *с счастливыми глазами* к Сталину [39] мешает *totius contextus хмурые морщинки* (Ода, IV: 12).

11. *И шестикратно я в сознании берегу – // Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы* (Ода, VII: 2). Слово *жатва* здесь следует принять в метафорическом смысле ‘результат’ (ср. *пожинать плоды труда*); эпитет *медленный* явно смещен и, видимо, связан с трудностями в осознании происходящего.

12. *И я хочу благодарить холмы, Что эту кость и эту кисть развили* (Ода, II: 10–11): *кисть* следует понимать (по формуле «pars pro toto») как ‘рука’, *кость* – как ‘грудь’: *широкий в кости* – коренастый, широкоплечий ← *И широкая грудь осетина* (ОМ. Мы живем, под собою не чуя страны... 1933)? Стих 11 построен на парефезе – сближении слов, противопоставленных фонетическим минимумом (одним звуком, порядком их следования или ударением), ср. *Архип* и *охрип*, *Осип* и *осип*, *кость* и *кисть*. Цель состоит скорее в стилистической отделке стиха, чем в ироническом намеке на атрофию левой руки.

Понимание текстов ОМ затруднено их элокутивной осложненностью. В. Гандельсман, пытаясь найти в «Оде» элементы тайнописи, пишет: «В портрете Сталина есть что-то циклопическое – это единственное число: “густая бровь кому-то светит близко” (сильно и отвратительно), “крутое веко” (имеющее сразу нелепое отношение к яйцу)...» [29. С. 315]. Но: а) на портретах Сталин *выглядел величественно, с орлиным взглядом из-под круто изогнутых бровей* (В. Войнович. Автопортрет. 2010), верхние же линии его век параллельны линиям бровей (i. e., ex analogia: *круто изогнутая бровь* → *крутое веко*); отметим и такую особенность сталинского прищура: *Из далекой светлой дали, куда он только что смотрел, Сталин*

¹ Метанализ – переосмысление фрагмента слова на основе ассоциаций по близкочувствию или омонимии: *где катарсис сродни катару, // в слове «адрес» есть корень «ад»* (А. Стесин. За хорошее поведение. 2004).

перевел глаза на Абакумова. С нижним прищуром век спросил: – А ты – нэ боишься, что мы тебя жи первого и расстреляем? (А.И. Солженицын. В круге первом. 1955–1958); б) грамматический перенос *singularis pro plurali* вполне привычен для русского языка, ср.: *острый глаз художника, здесь не ступала нога человека*; эта сингулярная интенция отвечает следующему наблюдению скульптора Н.В. Томского: «...когда выступил один из лучших стахановцев Ленинграда – слесарь Кировского завода, мне повезло очень близко видеть Иосифа Виссарионовича, и я, конечно, как художник, стремился уловить каждый жест, каждое выражение его лица. И когда слесарь... начал говорить об успехах завода..., каким-то невыразимым светом светились глаза Иосифа Виссарионовича, и мне казалось, что благодаря тому, что у него **очень близко сидят глаза**..., мне казалось, что **одна** лучезарная звезда светила всему залу» [35. С. 177].

Номинативная осложненность текста может быть мнимой. Разберем показательный в этом плане случай на примере следующих строк: *И каждое гумно и каждая копна // Сильна, убориста, умна – добро живое – // Чудо народное! Да будет жизнь крупна! // Ворочается счастье стержневое* (Ода, VI: 9–12). Глагол в метафоре **ворочается счастье** придает понятию ‘счастье’ коннотацию ‘тяжелое, трудное’. А.Г. Мец видит в этой метафоре зашифровку: «...поэт все же дал и ключ к своей интенции указать на двойственность содержания стихотворения. Предполагаем этот ключ в выражении “ворочается счастье стержневое”. Поясним: в русском языке абстрактное существительное *счастье* **никогда не встречается** в сочетании с глаголом *ворочается* и / или эпитетом *стержневое*. **Все выражение не имеет под собой ни физического субстрата, ни мысленного объекта описания**. Считаем, что сочетание этих слов в целом выражении не могло сложиться непреднамеренно, спонтанно. Полагаем, что поэт целенаправленно сконструировал фигуру **абсурда**, предназначая ее как “message” внимательному читателю. Кроме того, в отношении к “счастью” ...выражение несет несколько иронический или даже издевательский оттенок» [61. С. 10–11]. Данное предположение, как и мнение И. Месс-Бейер, полагающей, что стихи 11–12 строфы VI «**пародируют** традиционную ломоносовскую оду с ее библейскими реминисценциями типа “да будет свет. И бысть”» [33. С. 326], вступает в конфликт с реалиями русского языка, поскольку:

1. В анализируемом отрывке наблюдаем не «абсурд», а стилизацию народной речи. Пример аналогичной техники: *А то чувство какое бессловесное в груди ворочается, стучит кулаками в двери, в стены: задыхаюся! выпусти! – а как его, голое-то, шершавое, выпустишь? какими словами оденешь? Нет у нас слов, не знаем! Как все равно у зверя дикого, али у слеповрана, али русалки, – нет слов, мык один!* (Т. Толстая. Кысь. 2001), ср.: *Оттого что в груди у меня, как в берлоге, Ворочается зверенышем теплым душа* (С. Есенин. Пугачев. 1921). Речь и быт крестьян-колхозников Ом изучал для документальной книги о деревне, в этой связи приведем: а) один из записанных им речевых образцов: *Мы тамочка не*

бываем, мы тутошние... А вот за 33 год семьдесят рублей – мы сено убрали – нам задерживают... [37. С. 467]; б) портрет директора Воробьевского совхоза: «Сел, наклонил плодovitую, озабоченную голову, художественно совпадающую – да простят мне это сравнение – с головой председателя пивных собраний, мудреца из бир-галя на Васильевском острове, старого шорника или каретника – одним словом, не командир, а папаша. Речь Дорохова, распаханная под научную экономику, под газетную передовицу, – была все-таки **крестьянская**. Он сколачивал ее годами как политический стиль, как орудие, как богатство и умело ею пользовался» [37. С. 468].

2. Выражение *стержневое чувство* (*переживание, ощущение, эмоция, удовольствие*, etc.) вполне привычно для русской речи, ср.: *Для Щедрина существен не психологический рисунок сам по себе, а решающие, **стержневые чувства** и мысли* (Я. Эльсберг. Мировоззрение и творчество Щедрина. 1936); *Думаю, что таково самое главное, **стержневое чувство** в Достоевском* (А. Смирнов. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. 2019).

Думается, прав был Гаспаров, говоря о несостоятельности попыток показать, что «Ода» на самом деле написана эзоповым языком и скрывает отрицательное, протестующее отношение Мандельштама к Сталину» [47. С. 87].

3. Интертекстуальный комментарий

В плодотворности анализа текстов ОМ с интертекстуальной точки зрения убеждают работы М.Л. Гаспарова, Ю.И. Левина, О. Ронена, И.М. Семенко и др. Анализ «Оды» демонстрирует связь по меньшей мере с тремя прецедентными текстами.

3.1. Связь с мифом о Прометее

Рассматривая стихи ОМ, хронологически и метрически близкие к «Оде», Гаспаров отмечает одно «очень важное стихотворение», в котором есть такие слова: *Где связанный и пригвожденный стон? // Где Прометей – скалы подспорье и пособие?* (ОМ. Где связанный и пригвожденный стон? 1937). Ученый констатирует: «Образ Прометея уже привязывает это стихотворение к зачину сталинской “Оды”», где «Прометей отождествляется со Сталиным» [47. С. 84, 90, 98] (ср.: [56. С. 102]). Иной точки зрения придерживается И. Фролов: «Но, во-первых, Сталин не был глуп, а во-вторых, **он не мог соотнести себя с прикованным, пытаемым титаном** (такое соотнесение производит не Сталин, а автор «Оды». – В.М.) – кого же тогда он должен видеть в роли Зевса, царя богов? Ведь Зевсом – по определению для всех – и для его врагов – был он сам, Сталин»; заключение: «Сталин выведен здесь даже не Зевсом, а коршуном-орлом» [34]. Сличение «Оды» и мифа о Прометее убеждает: а) в правоте Гаспарова и Струве; б) в том, что образы Сталина и Прометея близки по ряду параметров. Их сближают:

1. Топика: **«Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал...»** [62. С. 87]; связь героя «Оды» с Кавказом поддержана лексически: *И я хочу благодарить холмы, // Что эту кость и эту кисть развили: // Он родился в горах и горечь знал тюрьмы. // Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!* (Ода, II: 9–12). Если Сталин уподоблен Прометею, то теряет основу усматриваемый здесь намек по близкозвучию *Джугашвили* ~ *Иегова* и, соответственно, тезис: ОМ «сравнил Иосифа Сталина с Иисусом Христом» [34].

2. Функция: «...из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей... всему тому, что облегчает горести жизни и делает ее **счастливее и радостнее**» [62. С. 87]. Судя по тексту ОМ, с этой же целью («сделать людей счастливее») были связаны и *огромный путь* адресата «Оды» (вплоть до *чудной площади с счастливыми глазами*), и **шесть клятв**, принесенные им в 1924 г. народу СССР от имени партии, отсюда: а) наречие *шестикратно* и понятие выполненной клятвы: *И шестикратно я в сознании берегу – // Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы – // Его огромный путь – через тайгу // И ленинский октябрь – до выполненной клятвы* (Ода, VI: 12 и VII: 1–4); б) перифраза *На шестиклятвенном просторе* (Ода, VI: 8) 'на счастливых просторах СССР'. А. Кан в наречии *шестикратно* видит «колелопреклонение (genuflection)», «преувеличение, выдающее глубокое сомнение» [5. Р. 557], на самом деле здесь «имеются в виду **шесть “клятв” Сталина** в его речи, произнесенной над гробом Ленина» [63. С. 588]. Из шести клятв, которые Сталин дал народу от имени партии после смерти Ленина (21.01.1924) на II съезде Советов СССР (26.01.1924), наиболее связана с целью «сделать людей счастливее» третья: «Рабы и рабовладельцы... угнетенные и угнетатели, – так строился мир испокон веков... Десятки и сотни раз пытались трудящиеся... сбросить с плеч угнетателей... Но каждый раз... вынуждены были они отступить... Только в нашей стране **удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов...** Вы знаете, товарищи... что этой гигантской борьбой руководил товарищ Ленин... Величие Ленина в том... и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира... **что царство труда** можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно **создать на земле, а не на небе.** <...> Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам **хранить и укреплять диктатуру пролетариата.** Клянусь тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..» [64. С. 47]. В представлении вождя отношение людей к этой и иным заповедям, к мечте о счастливом и радостном «царстве трудана земле» было, судя по следующему тексту, неоднозначным, ср.: *А в песне его, а в песне – // Как солнечный блеск чиста, // Звучала великая правда, // Возвышенная мечта.* В концовке – *vox populi: И песня твоя чужда нам, // И правда твоя не нужна!* (И.В. Джугашвили / Сталин. Ходил он от дома к дому...

1895). Эти стихи будто бы предваряют готовность «сделать людей счастливее» **силой**, в частности через «диктатуру пролетариата»: здесь видится существенное отличие Сталина от Прометея, а значит, некоторая редуцированность аналогии, что, впрочем, представляется скорее поэтическим допущением, чем тенденцией.

3. Аллюзии к мифу о Прометее, ср.: а) *Он свесился с трибуны, как с горы* (Ода, IV: 1) и *Не медли же, Прометей, всходи сюда и дай себя приковать к горе* [65. С. 558]; б) *Знать, Прометей раздул свой уголек* (Ода, I: 11) и *огонь // Похитил он [Прометей] для смертных* [66. С. 79]. Основание сравнить Сталина с Прометеем, похитившим огонь у богов, дает электрификация СССР [5. С. 560]. За похищение огня («уголька») Прометей был прикован к горе (скале); Гефест, сочувствуя прикованному им другу, но во исполнение воли богов протыкая ему грудь *шпом железным*, восклицает: *Ах, Прометей, я плачу о беде твоей!* [66. С. 81]; с этой репликой коррелирует строка: *Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!* (Ода, I: 120. Если следовать данной корреляции, то: 1) Гефест плачет о судьбе прикованного им к горе *друга*, художник же, рисуя Сталина прикованным к скале власти, плачет о судьбе – *друга* ли? Ответ находим в следующих двух строчках, связанных как следствие и причина и отражающих острый внутренний конфликт: *Пусть недостоин я еще иметь друзей, // Пусть не насыщен я и желчью, и слезами* (Ода, V: 9–10: здесь ОМ будто бы поясняет свое одиночество и отрешенность от эпохи¹. 2) Логичен вывод о том, что власть в глазах ОМ – наказание, *роковое бремя*; с учетом данного факта понятным становится мотив плача и в строчках, посвященных Ленину: *Прославим роковое бремя, // Которое в слезах народный вождь берет. // Прославим власти сумрачное бремя, // Ее невыносимый гнет* (ОМ. Сумерки Свободы. 1918). Если Ленин несет бремя власти, то Сталин оказывается прикован к ней, скован ее цепями, следовательно, как любой правитель, **не вполне волен** в своих действиях², что также имплицитно черн-белую интерпретацию его образа. С обозначенной позиции трудно принять оторванные от вертикального контекста: а) трактовки стиха *Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!* как связанного «...с отношением поэта к двусмысленности своего положения» [69. С. 35], с ощущением «безысходности собственного бытия» [70. С. 135]; б) предположение, что «...“слезы” народного вождя из

¹ В. Гандельсман говорит о том, что природа ОМ не имеет «ничего общего с насильственной природой тирании» [29. С. 319], но поскольку слово *тиран* означает ‘жестокий правитель, действующий произволом и насилием, деспот’ [67. С. 709], точнее было бы говорить скорее о жесткой исторической **необходимости**, тяжесть которой принял на себя Сталин, и, в частности, о внеэкономическом принуждении, на которое пришлось пойти правительству СССР, чем о произволе и тирании.

² Философ сталинской эпохи пишет: «Разумеется, что и вождь **не волен** в своих действиях, а его действия определяются объективными условиями, которые являются результатом исторического процесса, в конечном счете результатом производительных сил и производственных отношений, т.е. предопределяются экономическим и политическим состоянием данной страны» [68. С. 113].

“Сумерек свободы” переходят к его наказанному обвинителю» в стихе *Пусть не насыщен я и желчью и слезами* [6. С. 103].

В стихе *Он свесился с трибуны, как с горы* [Ода, IV: 1] имеется в виду трибуна мавзолея, мавзолей (пирамидальный по форме, каменный¹) уподоблен горе². Соответственно, глагол *свесился* необходимо понимать в контексте уподобления Прометею (*свесился* – как Прометей, прикованный к горе). Если же принять данный глагол *ad litteram* (в бытовом смысле, несоместимом с высоким стилем стихотворения, ср. *свеситься в окно*), то: 1) окажется, что Сталина ОМ «весьма неучтиво описывает свесившимся с трибуны» [33. С. 310]; 2) данная трактовка вступает в конфликт с тем фактом, что в действительности Сталин, судя по фотографиям, с трибуны не свешивался и даже не склонялся [45. С. 20–26], отсюда заключение: тело Сталина «должно стать очень длинным», а значит, ОМ изобразил Сталина в облике «человеко-змея» [45. С. 33, 102; 20. С. 394]. Исходя из этого тезиса, аналитик обнаруживает «...исключитель[ую] концентраци[ю] свистящих, шипящих, жужжащих и зудящих звуков – “с”, “ш”, “ч”, “щ”, “ж”, “з”», т.е. «“змеящих” звуков», «в четырех строках этих звуков – двадцать два» [45. С. 38]: *Пусть недостоин я еще иметь друзей, // Пусть не насыщен я и желчью, и слезами, // Он все мне чудится в шинели, в картузе // На чудной площади с счастливыми глазами* (Ода, V: 9–12). К сожалению, автор: 1) не говорит, по сравнению с какой нормой или каким фрагментом текста фиксируется «исключительная концентрация змеящих звуков»; 2) не уточняет, к каким именно звукам относится аффриката [ч]: к свистящим, шипящим, жужжащим или «зудящим»; 3) не разъясняет, какие виды змей способны жужжать и какое отношение к образу змеи имеет звук [ч]; 4) не видит различий между буквами и звуками: а) усматривая звук [ч] в буквосочетании *с сч* (*с счастливыми*), которое в действительности обозначает звук [ш’]; б) утверждая, что в строке *Он свесился с трибуны, как с горы* (Ода, IV: 1) «звук “с” повторяется пять раз» [45. С. 38]; 5) не принимает во внимание тот факт, что в русской языковой картине мира (в отличие, напр., от древнегреческой) звук [с] ассоциируется со свистом, а не с шипением. В пространстве анализируемого образа Сталин *свесился с горы* (как Прометей), но не *стоит на горе* (как Иисус), отсюда неуместность трактовки речи Сталина как «нагорной проповеди» либо ее «пародии», «имитации» [45. С. 51–52; 34].

В свете сказанного, а также того факта, что «о Прометее говорится в третьем лице» [39], трудно принять мнение, согласно которому: а) ОМ «идентифицирует себя с Прометеем»; б) в 1-й строфе говорится об «угольке Прометеев-автора» [33. С. 302, 319; 34].

О.А. Лекманов утверждает, что отождествление Сталина с Прометеем в советской поэзии 30-х гг. имело типовой характер: «Чуть более тонкий

¹ Гранитный мавзолей был возведен в октябре 1930 г., до этого он был деревянным.

² Ср. в названии стихотворения ОМ «Внутри горы бездействует кумир...» (1936): *гора* ‘мавзолей’, *кумир* ‘Ленин’.

вариант этого же льстивого приема заключался в отождествлении Сталина с едва ли не самым главным в античной мифологии богоборцем – Прометеем: “**Он** (кто именно? – В.М.). Прометеевым огнем согрел / Тебя, и ты, по старой сказки слову, / Из зуб дракона нижешь тучи стрел, / Орфей, с рабов сдвигающий оковы” (Мицишвили, Стихи и песни); “Новые всходы лелея, / Соединяя народы, / С новым огнем Прометея / Стал ты на страже свободы” (Яшвили, Стихи и песни)» [53]. Однако: а) П. Яшвили говорит о Сталине с новым огнем Прометея, а не о Сталине-Прометее; б) первую цитату необходимо трактовать с учетом широкого контекста: *Твой край соединил в одну слезу // Все слезы толп... // Он прометеевым огнем согрел // Тебя...* (Н. Мицишвили. Сталин / пер. Б. Пастернака. 1934). Судя по данному контексту, *прометеевым огнем* согрел Сталина *край родной*; как видим, указанное Лекмановым отождествление здесь также отсутствует, т. е. образ Сталина-Прометея в «Оде» ОМ оригинален.

3.2. Связь со стихотворением О. Барбье «Это зыбь»

В полуторастииши *Он свесился с трибуны, как с горы, – // В бугры голлов* (Ода, IV: 1–2) видится ассоциация не только с **горой**, к которой прикован Прометей, но и с волнующимся людским **морем**. Представление волн в образе бугров встречается: а) в поэзии: *Капля дождевая пала с тучи в море Где буграми волны ходят на просторе* (Саади. Капля дождевая пала с тучи в море... / пер. М.Л. Михайлова. 1858); *Волна идет – как из стекла литые, Идут бугры волны* (И. Бунин. Золотой невод. 1903–1905); б) в прозе: *Стоя на верхней палубе... он пристально всматривался в безбрежную даль, подернутую серою мглой, покрытую вспененными буграми* (А.С. Новиков-Прибой. Шалый. 1919); *Глубина постепенно увеличивалась, вода посинела, парус круто надулся, и, подсакивая на буграх волн, дуб резво бежал среди прозрачных брызг и плеска* (Г.А. Соколов. Встречающие солнце. 1960). Если в «Оде» *головы* людей уподоблены *буграм волн*, то в стихотворении О. Барбье «Это зыбь» в переводе ОМ (1924) *бугры волн* уподоблены (*vice versa*) *людским головам*:

Зыбь, льнущая к пескам, пространства орошая
 Душистой выжимкою вод,
 На горле выпуклом разнеженно качая
 Гребцов коричневый народ.
 Потом другая зыбь из этой светлой спячки
 Выходит для свирепых буч,
Раздутым теменем большеголовой качки
 Колотит крышу низких туч.
 Потом мыгашкою и скачущей пучиной
 В квадрате молнийных зрачков
 Бежит соленою бугристою равниной
Размахом тысячи голов.

И, выбелив себя до взбитой гневом пены,
Блуждает, влажный рот кривит,
Царапает песок береговой арены,
Как умирающий, хрипит.
И, корибанткою, вконец перебесившись,
Вдавлив бедро в намет песков,
**Кидает с кровью нам, обратно в ил свалившись,
Горсть человеческих голов.**

Размер Ябж/4м иконически отвечает идее «большоголовой качки», в концовке текста наблюдаем реализацию метафоры: бугро**головые** волны, окрашенные отсветом алых молний, обращаются в окровавленные человеческие **головы**. Е. Рейн пишет: «Сталина окружают бугры голов... чудовищные отрубленные головы, результат всякого палачества...» [71. С. 522]. И эта, и даже еще более смелая трактовка строки *Уходят вдаль людских голов бугры* (Ода, VII: 5) как намек на исчезновение людей «в сталинских тюрьмах и лагерях» [33. С. 328]¹ могли бы получить опору при трактовке выражения *бугры голов* как отсылки к концовке стихотворения Барбье, но в нашем случае было бы корректнее констатировать лишь сходство метафорических образов: интертекстуальная аллюзия, облигаторно предполагающая известность прецедентного текста, здесь, скорее всего, отсутствует. В этой связи показателен тот факт, что ни Месс-Бейер, ни Рейн не упоминают текст Барбье как прецедентный для «Оды»; Лахути полагает, что оборот *бугры голов* – «чисто мандельштамовский, строго индивидуальный» [45. С. 42]. Связь этого выражения с «буграми мышц» [45. С. 42–44] вступает в конфликт с контекстом, а потому сомнительна. Гандельсман утверждает: «Великолепные “бугры голов” все-таки мгновенно ассоциируются с головами арестантов (тем более что “бугор” на фене – бригадир эков)» [29. С. 315] (ср.: [39]). Эта трактовка внеконситуативна: в лексиконе ОМ фени не могло быть, поскольку он побывал не в лагере, а в административной ссылке (в Чердыни и Воронеже). Думается, что в основе выражения *бугры голов* лежит сравнение заполненной людьми площади с морем, т.е. с *соленую бугристую равниной // Размахом тысячи голов*.

3.3. Связь с поэмой Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»

Рассмотрим метрическую форму следующих строк: *И каждое гумно и каждая копна // Сильна|, убо|риста|, умна| – добро| живо|е – // Чудо на|родное|! Да бу|дет жи|знь крупна| // Воро|чае|тся сча|стье сте|ржнево|е* (Ода, VI: 9–12). Известно, что «Ода» написана ямбом, что ее размер – «6-4-ст. ямб МЖМЖ» [47. С. 87], что у ОМ «не было обычая ме-

¹ На самом деле здесь выражена идея изобразительной перспективы: «...поэт уменьшается (diminishes) и отступает назад, в толпу перед великим Правителем» [57. Р. 39].

нять размер на ходу», поскольку единство размера говорит «о единстве замысла; и наоборот, перемена размера – о перемене замысла» [47. С. 82].

В приведенном катрене нельзя не заметить инометрическую вставку: *Чудо на|родное!* Гандельсман видит здесь просто «перебой ритма» [29. С. 316], что, впрочем, несовместимо с компетенцией ОМ как поэта, Гаспаров – «сознательный перебой, ритмический курсив» [31. С. 43]. Думается, что этот перебой сознателен, но представляет собой не «ритмический курсив», а аллюзию: **дактилическая** вставка, заметная на **ямбическом** фоне «Оды» ОМ, отсылает нас к **дактилической** «песенке» в **ямбической** поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (ок. 1863–1876), ср.:

РУСЬ

< I >

Ты и у|богая,
Ты и о|бильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

< II >

В рабстве спасенное
Сердце свободное –
Золото, золото
Сердце народное!

< III >

Сила народная,
Сила могучая –
Совесть спокойная,
Правда живучая!

< IV >

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, –

< V >

Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, –

< VI >

Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

< VII >

Рать подымается –
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

< VIII >

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..¹

Бродский, обративший внимание Гаспарова на этот перебой, видит здесь «элемент фольклора»; Гаспаров ответил, что не ощущает фольклорного влияния [31. С. 43]. Как кажется, в этом споре был прав Бродский, поскольку дактилические клаузулы сближают и поэму в целом (*В каком году – рассчитывай*), и песенку «Русь» в частности (*Ты и убогая*) с народной речью, ср.: *Из того ли то из города из Мурома* (былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»).

Сопоставленные фрагменты близки лексически и просодически, ср. *Чудо народное!* (Ода, VI: 11) и *Сердце народное!* (Песенка, II: 4). Чтобы разобрать смысл выявленной нами аллюзии, рассмотрим структуру песенки: 1) расположенный кольцом развернутый оксюморон (строфы I и VIII), который, видимо, отвечает оценке не только Руси в восприятии Некрасова, но и СССР в восприятии ОМ; 2) антитезное развитие оксюморона: а) пессимистическая констатация: *Сила с неправдою // Не уживается, // Жертва неправдою // Не вызывается, – // Русь не шелохнется, // Русь – как убитая!* (Песенка, IV: 1–4); б) оптимистическая констатация: *Жита по зернышку // Горы nanoшены! // Рать подымается – // Неисчислимая* (Песенка, VI: 3–4 и VII: 1–2); в) оптимистическое предсказание: *Сила в ней скажется // Несокрушимая!* [Песенка, VII: 3–4].

4. Конситуативный комментарий

Осмысление конситуативно осложненных элементов произведения предполагает учет взглядов автора, фактов его биографии, а также исторического контекста. И.З. Сурат, характеризуя полемику вокруг «Оды», пишет: «**Миф** о последовательном антисталинизме Мандельштама легко вербует сторонников, в том числе и среди профессионалов; другая линия, **уводящая в сторону**, – тема страха и приписываемое Мандельштаму желание спасти свою жизнь посредством просталинских стихов в последние годы. Всему этому хотелось бы противопоставить серьезный разговор о давлении тоталитарной идеологии на личность художника, о трагедии расщепленного сознания, о подвиге сохранения творческого дара в усло-

¹ Далее – Песенка, с указанием строфы и стиха.

виях террора» [72. С. 206]. Нам представляется, что применительно к ОМ точнее было бы говорить не о «расщепленном сознании» (И.З. Сурат) или даже «болезни» (Н. Мандельштам)¹, а о диалектическом взгляде на происходящее в СССР, что подтверждается результатами лингвистического анализа «Оды» и, добавим, согласуется со следующим (будем надеяться, отвечающим реальности) рассказом известного киносценариста: «М.Д. Вольпин <...> в конце 29-го или в самом начале 30-го оказался где-то в глубинке, в селе. И собственными своими глазами увидел все ужасы коллективизации и “ликвидации кулачества как класса”. Увиденное потрясло его до глубины души. Подавленный – лучше даже сказать, раздавленный – этими своими впечатлениями, он поделился ими с Мандельштамом. Но, вопреки ожиданиям, **сочувствия у него не нашел**. Выслушав его рассказы, Осип Эмильевич надменно вскинул голову и величественно произнес:

– **Вы не видите бронзовый профиль Истории?**² [73. С. 97].

М.Л. Гаспаров считал несостоятельными попытки показать, что ОМ «писал хвалу Сталину, но делал это принужденно, искусственно, насилуя себя» [47. С. 88]; с точки зрения науки о языке, в частности предпринятого нами лингвистического анализа, следует принять мысль о том, что «в таких интерпретациях мало смысла» [57. Р. 41]. Рассмотрим противоположное мнение: «Начало 37 года прошло у О. М. в диком эксперименте над самим собой. Взвинчивая и настраивая себя для “Оды”, он сам разрушал свою психику. “Теперь я понимаю, – сказал он Анне Андреевне, – **это была болезнь**”. “Почему, когда я думаю о нем, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?” – говорил мне О.М. Уезжая из Воронежа, О.М. просил Наташу <Штемпель> уничтожить “Оду”» [74. С. 247; ср.: 8; 29; 39; 52; 56. С. 100; 75. С. 690–691; 76. С. 58]. Два утверждения из воспоминаний вдовы поэта требуют комментирования: 1) «Почему, когда я думаю о нем, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?»: возможно, в этот момент ОМ не вспомнил образ, созданный им в переводе стихотворения Барбье «Это зыбь» (см. раздел 3.2); 2) «это была болезнь». Ср., однако: «Недоумение вызывает, напр., такое место в “Листках” <А. Ахматовой>: “О своих стихах, где он хвалит Сталина – ‘Мне хочется сказать, не Сталин – Джугашвили’ (1935 год?), он сказал мне: ‘Я теперь понимаю, что это была болезнь’”. Тот, кто знает хронологию встреч Ахматовой с Мандельштамом, никак не поймет, когда же было это “теперь”. Дата, с вполне понятным сомнением поставленная Ахматовой – 1935? – тут не поможет. Она ведь

¹ Ср.: «...увидеть в Мандельштаме поэта, искренне славящего “исторического” Сталина, – значит признать его **душевнобольным**» [29. С. 317].

² И. Фролов, аргументируя сомнительную идею «Сталина-Иеговы», «Сталина-Христа», «Сталина-Бога или Сталина, воплощающего здесь, на Земле, божественный замысел», усматривает в этом высказывании ОМ «...не волю отдельной человеческой личности, но Рок, воплощение божественного Плана» [34].

прекрасно помнила, что навестила в Воронеже Осипа Эмильевича в **феврале 1936 года**. Тогда «Оды» и в помине не было» [77. С. 437]. Приведем свидетельство С.Б. Рудакова: а) 4 февр. 1936 г.: «Основное событие дня приезд Анны Андреевны»; б) 11 февраля 1936 г.: «Сегодня уехала Ан. Андр.» [78. С. 330 и 336]. Особую позицию занимает А. Кушнер: «Стихи написаны по необходимости», но по мере их написания «Мандельштам увлекся – и увлекло его не только стремление спасти свою жизнь» [79. С. 243]. Думается, что «Ода» представляет собой результат не прагматического стремления «холодного версификатора», который «неискренне пытается (от страха за свою шкуру, вероятно) приспособиться к новой действительности, мимикрировать, если угодно»¹ [81. С. 220], не кратковременного «увлечения», но многолетнего (ср.: *Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы*) осмысления одной из наиболее драматичных эпох в истории страны. В этом плане «Ода», с ее тематикой и основным тезисом (о результатах деятельности руководителя СССР: *Должник сильнее иска*), может быть поставлена рядом с поэмой «Двенадцать» А. Блока (1918), с ее тематикой и основным тезисом (о Революции: *Впереди идет Христос*), столь неожиданными с точки зрения не только современников, но и многих нынешних почитателей автора.

При анализе корпуса стихов ОМ 30-х гг. «эволюция мировоззрения поэта... видна невооруженным глазом: от активного неприятия сталинской власти (“Что ни казнь у него, – то малина. / И широкая грудь осетина” – 1933 г.) к своему покаянию (“И к нему, в его сердцевину / Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний холстину, / Головою повинной тяжел...” – 1937 г.)» [34] (ср.: [25. С. 107]). Среди тематически и хронологически близких к «Оде» стихотворений М.Л. Гаспаров указывает следующее, написанное в первых числах февраля – начале марта 1937 г. [47. С. 105]:

Если б ме|ня|| наши вра|ги|| взяли
И пере|стали со| мной гово|рять|| люди,
Если б ли|шили ме|ня все|го|| в мире:
Права ды|шать|| и откры|вать|| двери
И утверждать||, что бытие|| будет
И что народ||, как судия||, судит, –
Если б меня|| смели держать|| зверем,
Пищу мою|| на пол кидать|| стали б, –
Я не смолчу||, не заглушу|| боли,
Но начерчу|| то, что чертить|| волен,
И, раскачав|| колокол стен|| голый
И разбудив|| вражеской тьмы|| угол,
Я запрягу|| десять волон|| в голос

¹ Les extrêmes convergent: в словах одного из «жильцов дома творчества», участников суда над ОМ, описанных в романе Б. Кенжеева, угадывается отзыв П.А. Павленко о стихах ОМ, в частности об «Оде» (см. [80]).

И поведу|| руку во тьме|| плугом –
 И в глубине|| сторожевой ||ночи
 Чернора|бочей| вспыхнут зе|мле|| очи,
 И – в легион|| братских очей ||сжатый –
 Я упаду|| тяжестью всей|| жатвы,
 Сжатостью всей|| рвущейся вдаль|| клятвы –
 И налетит|| пламенных лет|| стая,
 Прошелестит|| спелой грозой|| Ленин,
 И на земле||, что избежит|| тленья,
 Будет будить|| разум и жизнь|| Сталин.

Текст написан 5-стопным дактилохореем со сквозной терминальной и практически сквозной медиальной спондеической цезурами, что обеспечивает напряженный стиль рубленой речи (*sermo commaticus*). Гаспаров видит здесь «два хориямба и хорей», однако: а) этой схеме, не характерной для русской поэтики, не подчиняются стихи 2, 3 и 16, что, впрочем, отмечает и сам Гаспаров; б) равным образом можно, при большом желании, увидеть «хориямбы», напр., в следующем пентаметрическом стихе: *Дивная| прелесть| моей|| кисти – у| всех на у|стах* (А. Блок. Эпитафия Фра Филиппо Липпи. 1914). Далее читаем: «Если угодно, эта игра стыками ударений есть ритмическая палинодия знаменитого стихотворения 1911 г. “Сегодня дурной день...”» [47. С. 106], но эти стихи написаны спондеически осложненным амфибрахием: «Сегодня дурной день»¹, метрической палинодии тут нет. Обратимся к содержанию стихотворения «Если б меня наши враги взяли...». Здесь налицо мотив черчения (углем? грифелем?), ср.: «строчка “...Но начерчу то, что чертить волен”, – прямая отсылка к самоописанию в “Оде”» [47. С. 106]; если же принять мысль о том, что *впереди* плеяды романтиков, а затем и прагматиков Революции *идет Христос*, то их социальная доктрина, равно как мысли тех, кто начертал библейские заповеди, «будет будить разум и жизнь» и «избежит тленья», ср.: а) «Поэт стоит на том, “что бытие будет” (то светлое бытие, которое творит Сталин в “Оде”) “и что народ как судия судит”: народ имеет право судить поэта, а враги не имеют»; б) «Предпоследняя строчка о “земле, что избежит тленья” – тоже отсылка к концовке “Оды”» [47. С. 106]. Ранее, в 1924 г. (в стихотворении «1 января 1924») и в 1935 г. («Мир начинался страшен и велик...»), ОМ говорил об одной движущей силе большевизма – о Ленине. И в стихотворении «Если б меня наши враги взяли...», и в «Оде» рядом с Лениным уже стоит Сталин. Конситуативно маркированным представляется сам стиль «Оды». Ее характер считается «натужным» [77. С. 336], «вымученным» [83. С. 91; 73. С. 17]; с этим мнением коррелирует представление об искусственности ее стиля как следствии причиненного себе при работе над ней «немалого насилия» [76. С. 58]. Обосновывая данный тезис, Гандельсман адресует ОМ следующий упрек: «Мне кажется, что лексика то и дело

¹ См. разбор метрической структуры данного стихотворения в статье: [82. С. 27–28].

оступается, словно бы оглядываясь на газету...» [29. С. 315]; согласно мнению И. Месс-Бейер, «[п]о выражению “дружба мудрых глаз”, конденсату газетных и стихотворных клише, немедленно угадывается “мудрый учитель” и “самый чуткий друг литературы”» [33. С. 297]; Б.М. Сарнов отмечает, что в «Оде» ОМ «попадает в плен казенных эпитетов, штампованных оборотов, в пошлые рамки казенного, газетного славословия» [84. С. 173]. Но «оглядка на газету» была характерна для революционной и послереволюционной поэзии. Так, В. Маяковский, многие стихи которого имеют ораторский, публицистический характер, пишет: «В работе сознательно перевожу себя **на газетчика**» [85. С. 455]. Эту же тенденцию в поэтике ОМ отмечает И.А. Гурвич:

«[Н]егативный взгляд не вытесняется, но все же заметно оттеняется позитивным [...]. Поэта как будто бы привлекают люди в “красноармейских шинелях”, ему слышится “в Арктике машин советских стук”, а посещение близлежащего совхоза рождает словно бы даже несоразмерный событию отзыв: “Трудодень земли знакомой / Я запомнил навсегда, / Воробьевского райкома / Не забуду никогда”¹. Строки звучат несколько **казенно, погазетному**, а между тем в них отложилось непосредственно увиденное... <...> Мандельштама не заподозришь в неискренности, рассказ о поразившей его картине дышит непосредственностью живого впечатления. И не узника, а именно художника...» [25. С. 107]. Некоторые строчки «Оды» действительно несут печать газетной статьи или даже плаката: *Художник, береги и охраняй бойца!* (Ода, I: 5); *Художник, помоги тому, кто весь с тобой, // Кто мыслит, чувствует и строит!* (Ода, III: 5–6). Но такие вкрапления соответствуют стилевым предпочтениям ОМ: «...умение использовать **злобу газетного дня** для своего вдохновения... лишь **увеличивает заслугу поэта**. “Собачья склока” (стихотворение О. Барбье, известное в переводе ОМ) была напечатана в газете... еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. <...> Какими... средствами художественной выразительности достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников? Во-первых, он взял мужественный стих **ямбов**... приспособленный для могучей **ораторской речи**, для выражения **гражданской ненависти и страсти**. Во-вторых, он... умел сказать грубое, хлесткое и циничное слово... В-третьих, Барбье оказался мастером **больших поэтических сравнений**, как бы предназначенных для **ораторской трибуны**» [86. С. 304].

В «Оде» также использованы: 1) ямб, характерный для жанра оды [4. С. 235]; 2) мощные поэтические сравнения, напр. Сталина с должником, которому от имени народа предъявлен иск; 3) элементы публицистической, в частности ораторской речи. За восприятием таких элементов как простой «оглядки на газету» стоит невнимание к стилевым предпочтениям поэзии той эпохи. И ямб, и силлабический объем стихов, непредсказуемо

¹ Речь идет о стихотворении ОМ «Эта область в темноводье» (1936).

варьирующийся в пределах от 9 до 13 слогов, придают «Оде» интонацию ораторской речи. Все строфы стихотворения, исключая лишь 5-ю, построены на аннзаметрическом периоде (περίοδος ἄνισος)¹, крайним пределом последнего является описанный Деметрием Фалерским разговорный период (περίοδος διαλογική), который по своему устройству «[...] μόλις ἐμφαίνουσα ὅτι περίοδος ἐστίν» [...] лишь напоминает период» [10. С. 20 / De eloc., 21]; в качестве примера укажем лесенку Маяковского. Заметим: 5-я строфа «Оды» абсолютно симметрична, после 3-й стопы здесь даже просматривается медиальная цезура. Приглядимся к содержанию этой ритмически отмеченной строфы: на вопрос *Несчастья скроют ли большого плана часть?* следуют ответы: а) *Я разыщу его в случайностях их чада...*; б) *Он все мне чудится в шинели, в картузе // На чудной площади с счастливыми глазами.* Несмотря на все несчастья, которые претерпела страна к 1937 г., правитель *чудится* автору «Оды» среди людей с счастливыми глазами. Судя по примыкающим к «Оде» текстам, поэту не давал покоя вопрос: *не ползет ли по шестиклятвенному простору (равнинам, земле, пространству) Иуда, преступивший клятву)* и тем самым предавший идеи Ленина:

Что делать нам с убитостью² равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим,
И все растет вопрос: куда они, откуда
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, –
Пространств несозданных³ **Иуда?**
(ОМ. Что делать нам с убитостью равнин... 16.01.1937)

Этот вопрос, получивший отражение в тексте от 16 января, в «Оде» был решен отрицательно: при положительном его решении «Ода», скорее всего, не была бы написана. Но 30 апреля мысль, видимо, вновь возвратилась, ср.:

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов –
Эту **клятвопреступную землю**:
Мать подснежников, кленов, дубков.
(ОМ. Я к губам подношу эту зелень. 30.04.1937))

Возможно, задуматься заставила ситуация, сложившаяся 23 апреля: «В воронежской газете “Коммуна” – статья О. Кретовой “За литературу, со-

¹ Cf.: «Periodus ἄνισος est, quae omnia membra habet imparia [...]» ‘Период аннзаметричен, если все его члены неравны’ [87. P. 47 / Rudim. rhet. III, 3].

² Ср.: *Русь – как убитая (Песенка, IV: 4).*

³ ¹ Вариант: *Народов будущих*, т.е. будущих поколений.

звучную эпохе”. “За последние годы в организацию (воронежское обл. отд. союза сов. писателей) пытались проникнуть и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены”», ср. 30 апреля: «Заявление в Секретариат Союза советских писателей относительно измышлений в статье О. Кретовой. “Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания Воронежского областного отделения Союза”» [21. С. 447–448]. ОМ определенно «...колебался между отрицанием и утверждением» [79. С. 249].

Печатью эпохи отмечена и лексика, в частности слова *близнец* и *отец*:

1. Анализируя полуростовские *И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца*, // *Какого, не скажу...* (Ода, II: 5–6), Гаспаров поясняет: «Для любого советского читателя первый напрашивающийся <...> “близнец” Сталина – Ленин» [47. С. 100], т.е. понимать следует: ‘для Сталина-близнеца, чьего / какого – не скажу’. Едва ли под близнецами имеются в виду: а) «пара *Сталин-Джугашвили*» [8. Р. 110], что вступает в конфликт с логикой; б) Сталин и его портрет, созданный ОМ [5. С. 553], что абсурдно: получается ‘портрета, какого – не скажу’; в) Сталин и ОМ [7. С. 232], что исключается принятым в жанре оды подчеркнутым неравенством статусов ее автора и адресата (см. введение).

2. ...*то выраженье, близясь // К которому, к нему, – вдруг узнаешь отца...* (Ода, II: 6–7). Отец ОМ, Э.В. Мандельштам, регулярно читал советские газеты, писал стихи о первой сталинской пятилетке; от него ОМ постоянно «слышит большевистскую проповедь» [88. С. 18].

3. *Не огорчить отца // Недобрым образом иль мыслей недобором* (Ода, III: 3–4). Находясь в воронежской ссылке, ОМ пишет о Воробьевском совхозе: *Общая тенденция не огорчать начальника (политотдела) и держаться бодро. Успокаивать и заверять во что бы то ни стало. Не рассказывать ничего неприятного...* [37. С. 461]. В этой же связи интересна оценка директора совхоза: *не командир, а папаша* [37. С. 468]. Здесь ОМ подметил истоки: а) советской традиции «победных рапортов наверх»; б) патернализма советской системы вертикальных взаимоотношений (применительно к ОМ возможен эмоциональный трансфер с собственного отца на отца народов). С обозначенной точки зрения трудно принять следующие явно внеконтекстные трактовки: «Ода» читается «...как стихотворение об Отце и Сыне, который, глядя в глаза Отцу, понимает, что он обречен погибнуть, спасая мир» [89]; б) «Отец, к которому он (ОМ. – В.М.) постоянно апеллирует, – сам Всевышний» [39].

5. Вопрос о тайнописи в «Оде»

В текстах ОМ исследователи находят немало случаев тайнописи, в частности анаграмм и криптограмм. Так, Н. Мандельштам, видящая в «Оде» «стержневое слово “ось”», отмечает, что по всем стихам «Оды», а также корпусу стихотворений, хронологически примыкающих к ней,

«...разбросаны рифмы и ассонансы со звуком “с”: окись – примесь, коцит – просит, голос – боролись, Эльбрус – светло-рус, мясо – часа, износ – разноголос...» [74. С. 244]. Однако: 1) аллитерация на [с] с одинаковой степенью вероятности может подчеркивать: а) криптограмматически – слова *Иосиф* [90] или даже *Ося* [70. С. 136]; б) анаграмматически – слово *Сталин*: по мнению И. Фролова, в «Оде» «это имя в созвучиях разбросано по всему стихотворению» [34]; 2) неоднократное употребление звука [с] может представлять собой как аллитерацию, так и случайный повтор. И.З. Сурат констатирует: «Сталинская тема в творчестве О. Мандельштама породила большую исследовательскую литературу и при этом стала, в силу своей внехудожественной остроты и непреходящей актуальности, полем разного рода **спекуляций, манипуляций и честных заблуждений**. Сама судьба поэта влияет на восприятие этой темы и побуждает... в оде “Когда б я уголь взял для высшей похвалы...” **искать какой-то шифр**, позволяющий толковать ее не как оду, а как сатиру на Сталина» [72. С. 199]. Приведем пример прочтения, явно подчиненного установке на поиск такого шифра (графическую форму иллюстративного примера сохраняем): «Про что же эта “Ода”? Читаем дальше <...>:

Когда б я уголь взял для высшей похвалы
 для радости рисунка непреложной
 я б воздух рас**ЧЕР**Тил на хитрые углы
И **О**сторожно, **И** тревожно
 чтоб настоящее в **ЧЕР**Тах отозвал**ОСЬ**
 в **И**скусстве с дерз**ОСЬ**тью гран**И**ча,
 я б рассказал о том, кто сдвинул м**И**ра **ОСЬ**
СТА сорока народов чтя обычай
 я б поднял брови малый уголок
 и поднял вновь и разреши**Л** **И**Наче...

Перед нами поэтический шифр. Уже 4-я строка “Оды” заключает анаграмму имени ИОС-И-/Ф/. А строкой выше и строкой ниже читается слово... малоуместное по отношению к вождю первого в мире социалистического государства, но впервые употребленное Мандельштамом по поводу Сталина еще в 1929 г. в “Четвертой прозе”. В 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 10-й строках вновь: **ОСЬ** – **И-ОС-И** – **И-ОСЬ** – **СТА**... **Л** **И**Н. Слово “черт” в “Оде” зашифровано шестикратно (и, значит, сознательно): рас**ЧЕР**Тил – **ЧЕР**Тах – **о**Тца Ре**ЧЕ**й упрямых – зав**Т**ра из в**ЧЕ**Ра – **ЧЕ**Рез Тайгу – **ЧЕ**м **ис**кРеннос**ТЬ**» [90].

Специалистам, однако, известно, что всегда существует возможность «...найти в среднем в трех строках, взятых наугад, слоги, из которых можно сделать любую анаграмму (подлинную или мнимую)» [91. С. 643]. Подобного рода «находки» лишний раз свидетельствуют о том, «как влиятельна типично советская привычка не читать, а вычитывать» [6. С. 108].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. К затруднениям в адекватном осмыслении отдельных фрагментов «Оды» приводит осложненность номинаций следующих трех типов:

1.1. Мотивационная осложненность, источниками которой выступают семантические переносы, прежде всего метафора (см. раздел 2, пункты 1–9). Один из наиболее ярких образов «Оды» формирует развернутая метафора, основанная на сравнении поэта с художником, пера – с углем. В основу стиха *Когда б я уголь взял для высшей похвалы* (Ода, I: 1) положен косвенный оксюморон (возможно, с интертекстуальной аллюзией к углю в «Сатирах» Горация), а значит, данный стих таит в себе контрастную оценку.

1.2. Интертекстуальная осложненность (см. раздел 3). Аксиологически весомым элементом подтекста «Оды» является аллюзия к песенке «Русь» в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Песенка построена на контрастах, что дает основание поставить данную аллюзию в отношения корреляции с оксюмороном *уголь для похвалы* (см. пункт 1.1).

1.3. Конситуативная осложненность (см. раздел 4): так, стиль «Оды», в отдельных моментах сближающийся с ораторским и даже газетным, следует рассматривать как конситуативно отмеченный, поскольку такое сближение было характерно для постреволюционной поэзии.

2. Утонченность образных решений и филигранность формы «Оды», представляющей собой «дань должного уважения (fitting tribute) великому мэтру словесного искусства великому мэтру политической власти» [19. Р. 260], едва ли совместимы с типовыми мнениями: а) о вымученном стиле и вынужденном характере стихотворения; б) о примитивности его формы, ср.: «В нем много косноязычия...» [80. С. 243], «...такие стихи мог написать и Лебедев-Кумач» [84. С. 170], etc.

3. К числу фактов, свидетельствующих о диалектическом характере взгляда ОМ на происходящее в СССР, следует отнести не только открытую констатацию *Должник сильнее иска*, но и логически соотнесенные с ней и в целом подтверждающие ее искренность подтексты: а) отсылку к песенке «Русь», один из фрагментов которой, впрочем, гласит: *Сила с неправдою // Не уживается* [Песенка, IV: 1–2]; б) уподобление Сталина скованному цепями Прометею (*Он свесился с трибуны, как с горы*); в) оксюморон *уголь взял для похвалы*. Рассмотренная смысловая корреляция позволяет утверждать, что текст ОМ содержит элементы двусторонней аргументации применительно к оценке деятельности руководителя СССР; для сталинской эпохи, особенно после XVII съезда ВКП(б), «съезда победителей» (1934 г.), эта позиция автора была политически и идеологически неприемлема. Тот факт, что ОМ решился на такую аргументацию, подтверждает справедливость оценки его как поэта, который оказался способен на компромисс в творчестве и тем самым избрал путь «мученика за правду искусства» [24. С. 13]. Н. Коржавин, считавший Сталина «зловещей фигурой», в день его смерти пишет: *Я сам не знаю, злым иль добрым*

роком // Так много лет он был для наших дней (Н. Коржавин. На смерть Сталина. 1953). Поэт так объясняет эту диалектическую оценку: «Нет, приспособленчеством здесь и не пахло. <...> Понимал я это все жестче, а написал так. А иначе не мог, что-то... мне не давало это сделать, что-то, **через что я не мог перешагнуть**. ... Я уступил художественному чувству, замыслу, **от меня не зависящему**» [92. С. 584, 585]. В стихотворении ОМ «Флейты греческой тета и йота...» (1937) в роли этого же «художественного чувства» выступает флейта – *неизвѣнная, без отчета* – как символ данной свыше *безотчетной*, никому не подвластной силы, подчиняющей поэта и ведущей его в творчестве путем истины: *И ее невозможно покинуть*, // *Стиснув зубы ее не унять*. «Ода» считается палинодией по отношению к стихотворению «Мы живем под собою не чуя страны...» (1933). В свете приведенных фактов точнее было бы говорить о неполной палинодии, поскольку однозначно отрицательная оценка сменяется в «Оде» не однозначно положительной, а диалектической, возможно – со следующим профетическим элементом в выявленном нами подтексте: *Сила с неправдою // Не уживается* (см. пункт 1.2).

Список источников

1. *Мандельштам О.* Ода // Собр. соч. : в 4 т. / сост. П. Нерлер, А. Никитаев. Т. 3. М., 1994. С. 112–114.
2. *Мандельштам О.* Когда б я уголь взял для высшей похвалы... // Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост. А.Г. Мец. Т. 1: Стихотворения. М., 2009. С. 308–311.
3. *Mandelstam's «Ode» to Stalin* // *Slavic Review*. 1975. Vol. 34, № 4. P. 683–691.
4. *Тынянов Ю.Н.* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.
5. *Kahn A.* Mandelstam's worlds: poetry, politics, and identity in a revolutionary age. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. 720 p.
6. *Гаспаров М.Л.* Метрическое соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама : материалы симпозиума. Tenaflu, 1994. С. 99–111.
7. *Сурат И.З.* Мандельштам и Пушкин: лирические сюжеты // Литературоведение как литература. М., 2004. С. 197–233.
8. *Coetzee J.M.* Osip Mandelstam and the Stalin Ode // *Coetzee J.M. Giving Offense: Essays on Censorship*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1996. P. 104–116.
9. *Орлов В.* Перепутья. М. : Худож. лит., 1976. 365 с.
10. *Διμητρίου Φαληρέως.* Περί ἑρμηνείας. Glasgae: Ex Officina R. Foulis, 1743. 197 p.
11. *Ἰωάννου του Σικελιώτου.* Ἐξηγήσις εἰς τὰς ἰδέας του Ἑρμογένους // *Rhetores Graeci* / ed. Ch. Walz. Vol. VI. Stuttgartiae et al., 1834. P. 56–504.
12. *Ἑρμογένους* Περί εὐρέσεως // *Rhetores graeci* / ed. Ch. Walz. Vol. 7. Pt. 2. Stuttgartiae et al., 1834. P. 695–860.
13. *Vetteri I.F.* Periodologia. Lubecae : Sumptibus Ioniae Schmidii, 1744. 158 p.
14. *Dionysii Halicarnassensis.* De compositione verborum liber / ed. G.H. Schaefer. Lipsiae et al. : In libraria Weidmannia, 1808. 683 p.
15. *Brown C.* Introduction // The Noise of time. The prose of O. Mandelstam. San Francisco : North Point Press, 1986 [1965]. P. 13–62.
16. *Жирмунский В.М.* Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 15–55.
17. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.

18. *Ломоносов М.В.* Риторика // Сочинения. Т. 3. СПб., 1850. С. 455–719.
19. *Freidin G.* A coat of many colors: Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1987. 421 p.
20. *Видгоф Л.М.* «Но люблю мою курву Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М. : Астрель, 2012. 703 с.
21. *Летопись* жизни и творчества О.Э. Мандельштама / сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской, П. Мицнера. СПб. : Интернет-издание, 2019. 509 с.
22. *Померанц Г.* Слово – Психея // Слово и судьба: О. Мандельштам / ред. З.С. Паперный. М., 1991. С. 389–398.
23. *Адамович Г.В.* Несколькo слов о Мандельштаме // Воздушные пути. Альм. П. Нью-Йорк, 1961. С. 87–101.
24. *Бушман И.* Поэтическое искусство Мандельштама. Мюнхен : Институт по изучению СССР, 1964. 75 с.
25. *Гурвич И.А.* Мандельштам: проблема чтения и понимания. Нью-Йорк : Gnosis Press, 1994. 133 с.
26. *Luther M.* Assertio omnium articulorum per Bullam Leonis X [1520] // Luther M. Tomus secundus omnium operum. Witebergae : Per I. Lufft, 1546. P. 99–120.
27. *Flacius M.* Clavis Scripturae, seu de Sermone sacrarum Literarum : 2 vols. Basileae : Per Pau-lum Quecum, 1567. Vol. 2. 580 p.
28. *Chrysostomos J.* In Epistolam Secundam ad Thessalonicenses Commentarius // Chrysostomos J. Opera Omnia : 13 t. Parisiis : Apud Gaume Fratres, 1838. Т. 11. P. 590–631.
29. *Гандельсман В.* Сталинская «Ода» Мандельштама // Новый журнал. 1999. № 215. С. 311–319.
30. *Беседы* проф. К. Брауна с Н.Я. Мандельштам // Октябрь. 2014. № 7. С. 139–166.
31. *Павлов М.* Бродский в Лондоне, июль 1991 // Сохрани мою речь. Вып. 3, ч. 2. М., 2000. С. 12–63.
32. *Рейн Р.* Рисуи то, что видишь / пер. с англ. А.П. Пупыниной. М. : АСТ, 2019. 128 с.
33. *Месс-Бейер И.* Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов // Russian Literature. 1991. Vol. 29, № 1. P. 243–394.
34. *Фролов И.* Откровение Мандельштама (Эзотерика «Сталинской Оды») // ArtOfWar. 21.12.2006, изменен 12.03.2012. URL: http://artofwar.ru/f/frolow_i_a/text_0101.shtml (дата обращения: 25.03.2022).
35. *Плампер Я.* Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 495 с.
36. *Мандельштам О.* Стихотворения: (Ранние редакции и варианты) // Собр. соч. / сост. П. Нерлер, А. Никитаев : в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 299–363.
37. *Мандельштам О.* Наброски к документальной книге о деревне // Воронежские тетради / сост. В.А. Свительский. Воронеж, 1999. С. 458–568.
38. *Месс-Бейер И.* Мандельштам и сталинская эпоха: Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов. Helsinki : University of Helsinki, 1997. 364 с.
39. *Баталов С.* Три письма Вождю: размышления о «темных» стихах Мандельштама // Prosodia.ru. 2022. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/tri-pisma-vozhdyu-gazmyshleniya-o-temnykh-stikhakh-mandelshtama/> (дата обращения: 30.03.2022).
40. *И.В. Сталин:* Кинохроника 1922–1945. URL: <https://lkprf.ru/video/909.html?> (дата обращения: 29.03.2022).
41. *Graves D.R.* Life drawing in charcoal. New York : Dover Publications, 1994 [1971]. 176 p.
42. *Bloom S.* Digital painting in photoshop. Oxford et al. : Elsevier, 2009. 256 p.
43. *Carter S.N.* Drawing in black & white: charcoal, pencil, crayon, & pen-and-ink. New York: G.P. Putnam's sons, 1882. 55 p.

44. *Wolfersperger S., Carlston E.* Experimenting with art. Glenview : Good Year Books, 1991. 90 p.
45. *Лахути Д.Г.* Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2008. 247 с.
46. *Мандельштам О.* Заметки о поэзии [1923] // Соч. : в 2 т. Т. 2: Проза. М., 1990. С. 207–211.
47. *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 г. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1996. 128 с.
48. *Волков С.М.* Разговоры с Иосифом Бродским. New York : Слово-Word, 1997. 338 с.
49. *Жучкова А.В.* Загадка мандельштамовской «Оды» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 109–122.
50. *Кухней Л.* Лично-именной код в лирике Мандельштама // Literatūra. 2019. Vol. 61, № 2. P. 49–69.
51. *Климович Л.И.* Наследство и современность: Очерки о национальных литературах. М. : Сов. писатель, 1975. 415 с.
52. *Brown C.* Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin // Slavic Review. 1967. Vol. 26, № 4. P. 584–604.
53. *Лекманов О.* Сталинская «Ода»: Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Новый мир. 2015. № 3. С. 171–186. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/3/stalinskaya-oda.html? (дата обращения: 25.03.2022).
54. *Комарова В.В.* Конституционное право России. М. : Директ-Медиа, 2014. 161 с.
55. *Григорьев В.П.* Поздний Мандельштам: хитрые углы («Ода» Сталину или / и Хлебникову?) // Русистика сегодня. 1998. № 3–4. С. 113–132.
56. *Струве Н. О.* Мандельштам. London : Overseas Publications Interchange, 1988. 336 с.
57. *Jangfeldt B.* Osip Mandel'stam's Ode to Stalin // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. № 1. P. 35–41.
58. *Капченко Н.И.* Политическая биография Сталина : в 3 т. Т. 1. Тверь : Северная корона, 2004. 733 с.
59. *Богомолов Н.А.* Писал ли Мандельштам эзоповым языком? // Новое литературное обозрение. 1998. № 5 (33). С. 386–399.
60. *Вайман Н.* Odi et amo. Excursio: Опыт интерпретации стихотворения Мандельштама // Крещатик. 2022. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2022/1/odi-et-amo-excursio.html> (дата обращения: 31.03.2022).
61. *Мец А.Г.* Взгляд на «Стихи о неизвестном солдате» и «Стихи о Сталине» Осипа Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. 2019. Vol. 70. P. 1–12.
62. *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. М. : Учпедгиз, 1954. 451 с.
63. *Нерлер П.М.* Примечания // Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 441–611.
64. *Сталин И.В.* По поводу смерти Ленина: Речь на II Всесоюзном съезде Советов. 26 января 1924 г. // Соч. : в 13 т. Т. 6. М., 1947. С. 46–51.
65. *Лукиан.* Прометей, или Кавказ / пер. Б.В. Казанского // Хрестоматия по античной литературе : в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 558–563.
66. *Эсхил.* Прометей прикованный / пер. С. Апта // Античная драма: Переводы с древнегреческого и латинского / вступ. ст., сост. и примеч. С. Апта. М., 1970. С. 77–116.
67. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М. : Рус. слов., 1994. 754 с.
68. *Квитко Д.Ю.* Философия Толстого. М. : Изд-во коммунистической академии, 1930. 227 с.
69. *Сарнов Б.М.* Заложник вечности: Случай Мандельштама. М. : Книжная палата, 1990. 216 с.
70. *Данин Д.С.* Время стыда. М. : Московский рабочий, 1996. 384 с.

71. Рейн Е. Поэзия и «вещный» мир // Рейн Е. Заметки марафонца. Екатеринбург, 2003. С. 513–522.
72. Сурат И.З. «Я говорю за всех...»: К истории антисталинской инвективы Осипа Мандельштама // Знамя. 2017. № 11. С. 199–206.
73. Сарнов Б.М. Последний творческий акт: Случай Мандельштама. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 125 с.
74. Мандельштам Н.Я. Воспоминания [Кн. 1] / подгот. текста Ю.Л. Фрейдина. М. : Согласие, 1999. 552 с.
75. Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост. А.Г. Мец. Т. 1: Стихотворения М., 2009. С. 517–734.
76. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 5–64.
77. Герштейн Э.Г. Мемуары. М. : Инапресс, 1998. 518 с.
78. Рудаков С.Б. Из писем 1935–1936 гг. // Воронежские тетради / сост. В.А. Свистельский. Воронеж, 1999. С. 276–356.
79. Кушнер А. «Попробуйте меня от века оторвать...» // Кушнер А. Аполлон в снегу. Л., 1991. С. 211–260.
80. Павленко П. О стихах О. Мандельштама // Шенталинский В.А. Рабы свободы. М. : Парус, 1995. С. 243.
81. Кенжеев Б. Обрезание пасынков. М. : АСТ, 2009. 379 с.
82. Москвин В.П. Ударение лексическое и ударение метрическое: разграничение понятий // Известия Российской академии наук. Серия лит. и языка. 2020. Т. 79, № 4. С. 24–50.
83. Рассадин С. Бес бесстилья // Арион. 1998. № 4. С. 87–99.
84. Сарнов Б. Сколько весит наше государство? // Осмыслить культ Сталина / ред. Х. Кобо. М., 1989. С. 160–194.
85. Маяковский В.В. Я сам // Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. М., 1968. С. 439–456.
86. Мандельштам О. Огюст Барбье: (Поэт Парижской революции 1830 г.) // Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 302–305.
87. Kirchtanni Johannis. Rudimenta rhetoricae. Cellis : Sumptibus Thomae Henrici Hauensteinii, 1661. 141 p.
88. Микушевич В.Б. Осип Мандельштам и мировая культура // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. Т. 1. М., 2017. С. 10–62.
89. Лекманов О. «Рождественская звезда»: текст и подтекст // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/5/rozhdestvenskaya-zvezda.html> (дата обращения: 31.03.2022).
90. Чернов А. Ода рябому черту. Тайнопись в «покаянных» стихах О. Мандельштама // Несториана/nestoriana. 18.03.2016. URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2016/03/18/oda-osipa/> (дата обращения: 15.03.2022).
91. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 696 с.
92. Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи : в 2 кн. Кн. 2. М. : Захаров, 2007. 752 с.

References

1. Mandel'shtam, O. (1994) Oda [Oda]. In: Mandel'shtam, O. *Sobranie sochineniy* [Collected works]: in 4 vols. Vol. 3. Moscow: Art-Biznes-Tsentr; Mandel'shtamovskoe obshchestvo. pp. 112–114.
2. Mandel'shtam, O. (2009) Kogda b ya ugol' vzyal dlya vysshey pokhvaly... [When I took coal for the highest praise...]. In: Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]: in 3 vols. Vol. 1: Stikhotvoreniya Moscow: Progress-Pleyada. pp. 308–311.
3. Slavic Review. (1975) Mandelstam's "Ode" to Stalin *Slavic Review*. 4 (34). pp. 683–691.

4. Tynyanov, Yu.N. (1977) Oda kak oratorskiy zhanr [Ode as an oratorical genre]. In: Tynyanov, Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 227–252.
5. Kahn, A. (2020) *Mandelstam's Worlds: Poetry, politics, and identity in a revolutionary age*. Oxford: Oxford University Press.
6. Gasparov, M.L. (1994) Metricheskoe sosiedstvo “Ody” Stalinu [Metric Neighborhood of “Ode” to Stalin]. In: Aizlewood, R. & Myers, D. (eds) *Stoletie Mandel'shtama* [Mandelstam Centenary Conference]. Tenafly: Hermitage. pp. 99–111.
7. Surat, I.Z. (2004) Mandel'shtam i Pushkin: liricheskie syuzhety [Mandelstam and Pushkin: lyrical plots]. In: Popova, I.L. (ed.) *Literaturovedenie kak literatura* [Literary Studies as Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 197–233.
8. Coetzee, J.M. (1996) Osip Mandelstam and the Stalin Ode. In: Coetzee, J.M. *Giving Offense: Essays on Censorship*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 104–116.
9. Orlov, V. (1976) *Pereput'ya* [Crossroads]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Δημητρίου Φαληρέως. (1743) Περὶ ἑρμηνείας. Glasgae: Ex Officina R. Foulis.
11. Ἰωάννου του Σικελιώτου. (1834) Ἐξήγησις εἰς τὰς ἰδέας του Ἐρμογένους. In: Walz, Ch. (ed.) *Rhetores Graeci*. Vol. 6. Stuttgartiae et al.: Sumtibus J.G. Cottae. pp. 56–504.
12. Ἐρμογένους. (1834) Περὶ εὐρέσεως. In: Walz, Ch. (ed.) *Rhetores Graeci*. Vol. 7. Part 2. Stuttgartiae et al.: Sumtibus J.G. Cottae. pp. 695–860.
13. Vetteri, I.F. (1744) *Periodologia*. Lubecae: Sumptibus Ionae Schmidii.
14. Dionysii Halicarnassensis. (1808) *De compositione verborum liber*. Lipsiae et al.: In libraria Weidmannia.
15. Brown, C. (1986) *The Noise of Time. The prose of O. Mandelstam*. San Francisco: North Point Press. pp. 13–62.
16. Zhirmunskiy, V.M. (1977) Zadachi poetiki [Objectives of poetics]. In: Zhirmunskiy, V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka. pp. 15–55.
17. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo.
18. Lomonosov, M.V. (1850) Ritorika [Rhetoric]. In: *Sochineniya Lomonosova* [Works of Lomonosov]. Vol. 3. Saint Petersburg: V" tipografii A. Dmitrieva. pp. 455–719.
19. Freidin, G. (1987) *A Coat of Many Colors: Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation*. Berkley, Los Angeles: University of California Press.
20. Vidgof, L.M. (2012) “No lyublyu moyu kurvu Moskvu”. *Osip Mandel'shtam: poet i gorod* [“But I love my whore Moscow.” Osip Mandelstam: Poet and city]. Moscow: Astrel'.
21. Mets, A.G. (ed.) (2019) *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [Chronicle of the Life and Work of O. Mandelstam]. Saint Petersburg: Internet-izdanie.
22. Pomerants, G. (1991) Slovo – Psikheya [Word – Psyche]. In: Papernyy, Z.S. (ed.) *Slovo i sud'ba: O. Mandel'shtam* [Word and Fate: O. Mandelstam]. Moscow: Nauka. pp. 389–398.
23. Adamovich, G.V. (1961) Neskol'ko slov o Mandel'shtame [A few words about Mandelstam]. In: Grynberg, R.N. (ed.) *Vozdushnye puti. Al'manakh* [Aerial Ways. Almanac]. Vol. 2. New York: [s.n.]. pp. 87–101.
24. Bushman, I. (1964) *Poeticheskoe iskusstvo Mandel'shtama* [Mandelstam's Poetic Art]. Munich: Institut po izucheniyu SSSR.
25. Gurvich, I.A. (1994) *Mandel'shtam: problema chteniya i ponimaniya* [Mandelstam: The problem of reading and understanding]. New York: Gnosis Press.
26. Luther, M. (1546) *Tomus secundus omnium operum*. Witebergae: Per I. Lufft. pp. 99–120.
27. Flacius, M. (1567) *Clavis Scripturae, seu de Sermone sacrarum Literarum*. Vol. 2. Basileae: Per Paulum Quecum.
28. Chrysostomos, J. (1838) *Opera Omnia*. Vol. 11. Parisiis: Apud Gaume Fratres. pp. 590–631.

29. Gandel'sman, V. (1999) Stalinskaya "Oda" Mandel'shtama [Stalin's "Ode" by Mandelstam]. *Novyy zhurnal*. 215. pp. 311–319.
30. Oktyabr'. (2014) Besedy prof. K. Brauna s N.Ya. Mandel'shtam [Conversations prof. K. Brown with N.Ya. Mandelstam]. *Oktyabr'*. 7. pp. 139–166.
31. Pavlov, M. (2000) Brodskiy v Londone, iyul' 1991 [Brodsky in London, July 1991]. In: Lekmanov, O. (ed.) *Sokhrani moyu rech'* [Save my Speech]. Vol. 3. Part 2. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 12–63.
32. De Reyna, R. (2019) *Risuy to, chto vidish'* [How to Draw What You See]. Translated from English by A.P. Pupynina. Moscow: AST.
33. Mess-Beyer, I. (1991) Ezopov yazyk v poezii Mandel'shtama 30-kh godov [Aesopian language in Mandelstam's poetry of the 1930s]. *Russian Literature*. 1 (29). pp. 243–394.
34. Frolov, I. (2012) Otkrovenie Mandel'shtama (Ezoterika "Stalinskoy Ody") [Mandelstam's Revelation (Esoterica of "Stalin's Ode")] *ArtOfWar*. 12 March. [Online] Available from: http://artofwar.ru/f/frolov_i_a/text_0101.shtml. (Accessed: 25.03.2022).
35. Plamper, J. (2010) *Alkhimiya vlasti: kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of Power: The cult of Stalin in the fine arts]. Translated from N. Edel'man. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Mandel'shtam, O. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Art-Biznes-Tsentri; Mandel'shtamovskoe obshchestvo. pp. 299–363.
37. Mandel'shtam, O. (1999) Nabroski k dokumental'noy knige o derevne [Sketches for a documentary book about the village]. In: Svitel'skiy, V.A. (ed.) *Voronezhskie tetradi* [Voronezh Notebooks]. Voronezh: Izd-vo im. E.A. Bolkhovitinova. pp. 458–568.
38. Mess-Beyer, I. (1997) *Mandel'shtam i stalinskaya epokha. Ezopov yazyk v poezii Mandel'shtama 30-kh godov* [Mandelstam and the Stalin Era. Aesopian language in the poetry of Mandelstam in the 1930s]. Helsinki: University of Helsinki.
39. Batalov, S. (2022) Tri pis'ma Vozhdyu: razmyshleniya o "temnykh" stikhakh Mandel'shtama [Three letters to the Leader: reflections on mandelstam's "dark" poems]. *Prosodia.ru*. [Online] Available from: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/tri-pisma-vozhdyu-razmyshleniya-o-temnykh-stikhakh-mandel'shtama/>. (Accessed: 30.03.2022).
40. Leninskiy raykom KPRF goroda Moskvy [Leninsky District Committee of the Communist Party of the City of Moscow]. (n.d.) *I.V. Stalin. Kinokhronika 1922–1945* [I.V. Stalin. Newsreel 1922–1945]. [Online] Available from: <https://lkprf.ru/video/909.html?>. (Accessed: 29.03.2022).
41. Graves, D.R. (1994) *Life Drawing in Charcoal*. New York: Dover Publications.
42. Bloom, S. (2009) *Digital Painting in Photoshop*. Oxford: Elsevier.
43. Carter, S.N. (1882) *Drawing in Black & White: Charcoal, pencil, crayon, & pen-and-ink*. New York: G.P. Putnam's sons.
44. Wolfersperger, S. & Carlston, E. (1991) *Experimenting with Art*. Glenview: Good Year Books.
45. Lakhuti, D.G. (2008) *Obraz Stalina v stikhakh i proze Mandel'shtama* [The Image of Stalin in Mandelstam's Poetry and Prose]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
46. Mandel'shtam, O. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 207–211.
47. Gasparov, M.L. (1996) *O. Mandel'shtam. Grazhdanskaya lirika 1937 g* [Osip Mandelstam. Civil lyrics 1937]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
48. Volkov, S.M. (1997) *Razgovory s Iosifom Brodskim* [Conversations with Joseph Brodsky]. New York: Slovo-Word.
49. Zhuchkova, A.V. (2017) Enigma of Osip Mandelstam's the Ode. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 109–122. DOI: 10.17223/19986645/47/8

50. Kikhney, L. (2019) Lichno-imennoy kod v lirike Mandel'shtama [Personal-nominal code in Mandelstam's lyrics]. *Literatūra*. 2 (61). pp. 49–69.

51. Klimovich, L.I. (1975) *Nasledstvo i sovremennost'*. *Ocherki o natsional'nykh literaturakh* [Legacy and Modernity. Essays on national literatures]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

52. Brown, S. (1967) Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin. *Slavic Review*. 4 (26). pp. 584–604.

53. Lekmanov, O. (2015) Stalinskaya "Oda". Stikhotvorenie Mandel'shtama "Kogda b ya ugol' vzyal dlya vysshey pokhvaly..." na fone poeticheskoy staliniyany 1937 goda ["Ode" to Stalin. Mandelstam's poem "Were I to take up the charcoal for the highest praise..." against the background of the poetic Stalinism of 1937]. *Novyy mir*. 3. pp. 171–186. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/3/stalinskaya-oda.html? (Accessed: 25.03.2022).

54. Komarova, V.V. (2014) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow: Direkt-Media.

55. Grigor'ev, V.P. (1998) Pozdnyy Mandel'shtam: khitrye ugly ("Oda" Stalinu ili / i Khlebnikovu?) [Late Mandelstam: Tricky Angles ("Ode" to Stalin or/and Khlebnikov?)]. *Rusistika segodnya*. 3–4. pp. 113–132.

56. Struve, N.O. (1988) *Mandel'shtam*. London: Overseas Publications Interchange.

57. Jangfeldt, B. (1976) Osip Mandel'shtam's Ode to Stalin. *Scando-Slavica*. 1 (22). pp. 35–41.

58. Kapchenko, N.I. (2004) *Politicheskaya biografiya Stalina* [Political Biography of Stalin]. Vol. I. Tver: Severnaya korona.

59. Bogomolov, N.A. (1998) Pisal li Mandel'shtam ezopovym yazykom? [Did Mandelstam write in Aesopian language?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (33). pp. 386–399.

60. Vayman, N. (2022) Odi et amo. Excrucior. Opyt interpretatsii stikhotvoreniya Mandel'shtama [Odi et amo. Excrucior. The experience of interpreting Mandelstam's poem]. *Kreshchatik*. 1. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/kreshchatik/2022/1/odi-et-amo-excrucior.html>. (Accessed: 31.03.2022).

61. Mets, A.G. (2019) *Vzglyad na "Stikhi o neizvestnom soldate" i "Stikhi o Staline" Osipa Mandel'shtama* [A look at "Poems about the Unknown Soldier" and "Poems about Stalin" by Osip Mandelstam]. *Toronto Slavic Quarterly*. 70. pp. 1–12.

62. Kun, N.A. (1954) *Legendy i mify Drevney Gretsii* [Legends and Myths of Ancient Greece]. Moscow: Uchpedgiz.

63. Nerler, P.M. (1990) Primechaniya [Notes]. In: Mandel'shtam, O. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 441–611.

64. Stalin, I.V. (1947) *Sochineniya* [Works]. Vol. 6. Moscow: Gos. izd-vo politich. lit-ry. pp. 46–51.

65. Lucian. (1965) *Prometey, ili Kavkaz* [Prometheus, or the Caucasus]. Translated from Ancient Greek by B.V. Kazanskiy. In: Deratani, N.F. (ed.) *Khrestomatiya po antichnoy literature* [Reader in Ancient Literature]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie. pp. 558–563.

66. Aeschylus. (1970) *Prometey prikovanny* [Prometheus Bound]. In: Apt, S. (ed.) *Antichnaya drama* [Ancient Drama]. Translated from Ancient Greek by S. Apt. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 77–116.

67. Ushakov, D.N. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkie slovari.

68. Kvitko, D.Yu. (1930) *Filosofiya Tolstogo* [Philosophy of Tolstoy]. Moscow: Izd-vo kommunistich. akademii.

69. Sarnov, B.M. (1990) *Zalozhnik vechnosti. Sluchay Mandel'shtama* [Hostage of Eternity. Mandelstam's case]. Moscow: Knizhnaya palata.

70. Danin, D.S. (1996) *Bremya styda* [The Burden of Shame]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
71. Reyn, E. (2003) *Zametki marafontsa* [Notes of a Marathon Runner]. Yekaterinburg: U- Faktoriya. pp. 513–522.
72. Surat, I.Z. (2017) “Ya govoryu za vseh...” K istorii antistalinskoy invektivy Osipa Man-del’shtama [“I speak for everyone...” On the history of Osip Mandelstam’s anti-Stalinist invective]. *Znamya*. 11. pp. 199–206.
73. Sarnov, B.M. (2000) *Posledniy tvorcheskyy akt. Sluchay Mandel’shtama* [The Last Creative Act. Mandelstam’s case]. Moscow: Moscow State University.
74. Mandel’shtam, N.Ya. (1999) *Vospominaniya* [Memories]. Vol. 1. Moscow: Soglasie.
75. Mets, A.G. (2009) Kommentarii [Comments]. In: Mandel’shtam, O. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1. Moscow: Progress-Pleyada. pp. 517–734.
76. Averintsev, S.S. (1990) Sud’ba i vest’ Osipa Mandel’shtama [The fate and message of Osip Mandelstam]. In: Mandel’shtam, O. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–64.
77. Gershteyn, E.G. (1998) *Memuary* [Memoirs]. Moscow: Inapress.
78. Rudakov, C.B. (1999) Iz pisem 1935–1936 gg. In: Svitel’skiy, V.A. (ed.) *Voronezhskie tetradi* [Voronezh Notebooks]. Voronezh: Izd-vo im. E.A. Bolkhovitinova. pp. 276–356.
79. Kushner, A. (1991) “Poprobuyte menya ot veka otorvat’...” [“Try to tear me away from the century...”]. In: Kushner, A. *Apollon v snegu* [Apollo in the Snow]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’. pp. 211–260.
80. Pavlenko, P. (1995) O stikhakh O. Mandel’shtama [About the poems of O. Mandelstam]. In: Shentalinskiy, V.A. *Raby svobody* [Slaves of Freedom]. Moscow: Parus. pp. 243.
81. Kenzheev, B. (2009) *Obrezanie pasynkov* [Circumcision of Stepsons]. Moscow: AST.
82. Moskvin, V.P. (2020) Udarenie leksicheskoe i udarenie metricheskoe: razgranichenie ponyatiy [Lexical stress and metric stress: differentiation of concepts]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya lit. i yazyka*. 4 (79). pp. 24–50.
83. Rassadin, S. (1998) Bes besstil’ya [Demon of stylelessness]. *Arion*. 4. pp. 87–99.
84. Sarnov, B. (1989) Skol’ko vesit nashe gosudarstvo? [How much does our state weigh?] In: Cobo, J. (ed.) *Osmyslit’ kul’t Stalina* [Comprehend the Cult of Stalin]. Moscow: Progress. pp. 160–194.
85. Mayakovskiy, V.V. (1968) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pravda. pp. 439–456.
86. Mandel’shtam, O. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 302–305.
87. Kirchmanni, J. (1661) *Rudimenta rhetoricae*. Cellis: Sumptibus Thomae Henrici Hauensteinii.
88. Mikushevich, V.B. (2017) Osip Mandel’shtam i mirovaya kul’tura [Osip Mandelstam and world culture]. In: Nerler, P.M. & Lekmanov, O.A. (eds) *Mandel’shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 10–62.
89. Lekmanov, O. (2000) “Rozhdestvenskaya zvezda”: tekst i podtekst [“Christmas Star”: text and subtext]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/5/rozhdestvenskaya-zvezda.html>. (Accessed: 31.03.2022).
90. Chernov, A. (2016) Oda ryabomu chertu. Taynopolis’ v “pokayannykh” stikhakh O. Mandel’shtama [Ode to the pockmarked devil. Secret writing in O. Mandelstam’s “repentant” verses]. *Nestoriana*. 18 March. [Online] Available from: <https://nestoriana.wordpress.com/2016/03/18/oda-osipa/>. (Accessed: 15.03.2022).

91. Saussure, F. (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Progress.

92. Korzhavin, N. (2007) *V soblaznakh krovavoy epokhi* [In the Temptations of a Bloody Era]. Vol. 2. Moscow: Zakharov.

Информация об авторе:

Москвин В.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия). E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Moskvin, Dr. Sci. (Philology), professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.06.2022;
одобрена после рецензирования 19.06.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 02.06.2022;
approved after reviewing 19.06.2022; accepted for publication 13.03.2023.*